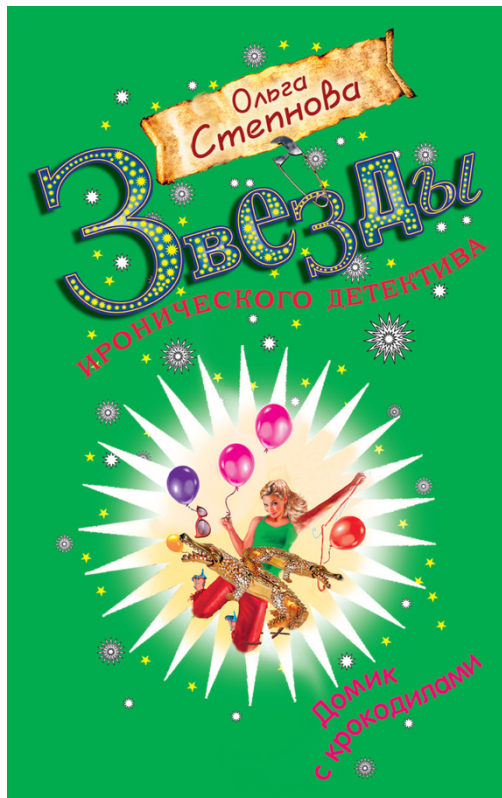

Ольга Юрьевна Степнова
Домик с крокодилами
Серия «Беда», книга 5

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=273282
Домик с крокодилами: Эксмо; М.;
ISBN 978-5-699-38211-8

Аннотация

Крупно поссорившись с любимой женой, Глеб Сазонов по прозвищу Бизон уезжает в приморский городок и нанимается гувернером к сыну самой богатой женщины тех мест – Ирмы Громовой. Десятилетний Прохор Громов не ходит в школу, не имеет друзей, не балуется, не хулиганит. Он прячется по углам и часто посещает психиатров. Кроме того, его старшая сестра Настя обвиняет всех появляющихся в доме мужчин в домогательствах. Вот повезло Глебу так повезло.. Однако Бизон не из робкого десятка. Он умудряется поладить с обоими детьми. Все в шоке, Ирма в восторге. Но однажды Прохора похищают...

Содержание

БЕДА	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ольга Степнова

Домик с крокодилами

Солнце палило нещадно, несмотря на раннее утро.

Я спустился к морю, прошёл по берегу метров сто и позвонил в ворота роскошной виллы.

– Кто? – спросил металлический голос в динамике.

– Глеб Сергеевич Сазонов, – сухо ответил я. – Ирма Андреевна Громова назначила мне собеседование на восемь часов утра.

– Проходите, – проскрипел голос, и калитка автоматически открылась.

Я пошёл по бетонной дороге к дому, спиной, грудью, затылком и другими частями тела ощущая на себе зоркие объективы камер.

Дом смахивал на средневековый дворец, но меня таким зрелищем не проймёшь – видал я и дома покруче, и лужайки позеленее...

На первом этаже меня встретил охранник с внешностью молодого Шварценеггера. Он был смешон в своей многозначительности и напыщенности. Таких гусаров я укладывал с полпинка на лопатки, а со второго пинка они начинали ныть и просить прощения за войну в Ираке, высокие цены на бензин, падение доллара и прочие чужие грехи. Охранник проводил меня к Ирме Андреевне, которая дожидалась в гостиной.

– Здравствуйте, – Ирма Андреевна сделала охраннику знак удалиться.

Он исчез как марионетка, которую дёрнули за нужную нитку.

– Глеб Сергеевич? – Хозяйка заглянула в ноутбук, стоявший на обеденном столе.

– Он самый. – Я не стал церемониться и сел на роскошный диван, тонкие ножки которого под моим весом жалобно крикнули, а шёлковая обивка подозрительно затрещала.

В серых глазах хозяйки мелькнуло не то осуждение, не то испуг, но как дама высшего света, она ничем не выдала своих эмоций.

– Я навела о вас справки, – сказала Ирма Андреевна и присела на стул возле стола, ловко, компактно и без лишнего шума разместив своё сухое, узкое тельце, затянутое в безупречный серый костюм.

– Я нисколько не сомневался, что вы наведёте обо мне справки, – парировал я. – Надеюсь, ничего плохого вы обо мне не узнали?!

– Нет. – У неё была странная манера смотреть поверх головы собеседника. Даже такому невозмутимому парню как я, от такого взгляда хотелось почесать затылок. – Нет, ничего плохого, но много удивительного. Имея баснословно богатого деда, живущего в курортном городе, вы забрались в холодную Сибирь и работали там простым учителем в школе за мизерную зарплату. Зачем? Почему?!

– В последнее время я работал не учителем, а завучем школы. А деньги... Я не считаю, что это главное в жизни, и привык довольствоваться малым.

– Понятно. – Ирма Андреевна встала, стремительно прошлась по комнате и остановилась возле стола. – Хотя, если честно, ничего не понятно. Если вы так любили свою работу, если зарплата вас устраивала, почему вы уволились и уехали из Сибирска?

– Устал, – усмехнулся я. – Наша школа оказалась весьма коррумпированным заведением, а директор был эдаким «крёстным папой». Я устал бояться за свою свободу, вот и уволился.

– Вы трус?

– Нет. Но в тюрьму не хочу. По-моему, это нормальное человеческое желание – прожить свою жизнь, ни разу не сев в тюрьму.

– Странно. Что ж это за школа такая, откуда можно загреметь за решётку?

– Я же говорю вам, директор постоянно сам впутывался в криминальные дела и впутывал в них меня. – Я почувствовал раздражение. Рассказывать этой холёной дамочке об авантюрах, в которые меня втягивал Троцкий, мне не очень хотелось.

– Поня-ятно, – протянула она, снова присаживаясь к компьютеру. – Значит, вы такой весь белый, пушистый и безобразно честный. Говорят, вас дети очень любили?

– Не мне об этом судить, – буркнул я. – Раз говорят – любили, значит, любили. Я не силен в сантиментах.

– Ага, значит, вы большой, добрый сибирский медведь!

Я пожал плечами. Ирма Андреевна начала меня дико раздражать. У неё были замашки «хозяйки жизни», а уж я-то знал цену таким «хозяйкам».

– Вы поймите, я должна понять про вас всё-всё-всё. Ведь мне нужно доверить вам своего ребёнка, – пояснила она, очевидно, заметив моё раздражение.

Я кивнул.

– Спрашивайте, что хотите. Мне нечего скрывать.

– Почему вы не участвуете в бизнесе вашего деда?

– А зачем мне в нём участвовать? У него своя жизнь, у меня своя.

– Вы с ним в ссоре?

– Насколько мне известно, – нет.

– Странно... Бизнес такого масштаба, как у вашего деда, всегда требует «своих людей».

– Я педагог в душе. Делать деньги мне неинтересно и скучно.

– Лучшего ответа для меня быть не может, но... Как-то уж всё это неправдоподобно.

– А что для вас правдоподобно? Бык с волейной, который мочит своего деда, отбирает у него бизнес, деньги, остальное имущество и наслаждается бездельем на островах?

– Ладно, – вздохнула Ирма Андреевна, захлопнув крышку ноутбука. – С этой стороной вашей жизни мы разобрались. Теперь поговорим о другом, думаю, для вас очень неприятном вопросе.

– О жене? – догадался я.

Она кивнула.

– Ну, если Элку Тягнибеду можно назвать «неприятным вопросом», давайте поговорим о ней.

– Мне нравятся её детективные романы.

– Мне тоже.

– Тогда почему вы разошлись с успешной, богатой и красивой женщиной?

– Мы не разошлись. Мы решили пожить отдельно.

– Почему?!

– Видите ли... – Вопрос действительно оказался неприятным. Я встал, подошёл к окну и задумался, как бы попроще рассказать о тех рифах и айсбергах, о которые разбилась наша с Элкой любовная лодка.

– Вы не вынесли того, что ваша жена очень известна?

– Нет.

– Вам не понравилось, что она зарабатывает больше вас?

– Нет.

– Вам опротивело то, что рядом с ней вы стали фигурой второго плана?

– Нет!

– Вы ревновали её к поклонникам!

– Нет!

– К издателям?!

– Нет и нет!

– К продюсерам и режиссёрам, которые кидаются экранизировать её романы?! К журналистам, которые рвут её на куски, чтобы взять интервью?

– Прекратите ставить диагнозы моей семейной жизни! – возмутился я. – Мы с женой решили пожить отдельно, потому что... Потому что нам стало скучно друг с другом. У неё своя жизнь, у меня своя. У неё – журналисты, поклонники и экранизации, у меня – её тапочки в зубах, когда она без сил приползает домой после какой-нибудь «презентации». Я стал болонкой на поводке. «Ко мне! Гулять! Фу!» Целый год я гордился своей женой. Второй год – терпел. Третий – мечтал расстрелять всех её поклонников, издателей и режиссёров. Я хочу быть самостоятельной личностью, а не «знаете, это же муж самой Эллы Тягнибеды!»

– Я же говорю, что вы ревновали! – обрадовалась Ирма Андреевна. – Мужики терпеть не могут, когда женщины добиваются большего, чем они сами.

– Вы рассуждаете, как... извините, баба! – Не выдержав больше светского тона, я повысил голос. – Как богатая баба, по первому свистку которой исполняются любые желания. А миром правят не деньги! Не только деньги и не только пресловутый успех, под которым у нас принято подразумевать известность! Миром правит любовь, как бы банально, беззубо и смешно это не звучало! Я любил Беду, когда она ходила в рваных джинсах и простых барачных майках! Я любил её, когда она пила чай в пакетиках и кофе из банок, не заморачиваясь брендами бриллиантов, которые теперь она вставляет в уши и нанизывает на пальцы! Представляете, было время, когда Элке было неважно, от какого дизайнера на ней платье... А теперь, знаете, что она говорит? Что мужчина, который фотографируется с ней для журнала «Бэлль» обязательно должен быть в тысячедолларовом пиджаке, потому что если он в джинсах за шестьсот рублей, то никогда, никому, ни за что не объяснишь, что на самом деле он добрый, умный, любит собак и детей! Она вдруг свято поверила, что бренды и цены на них открывают все двери и вводят тебя в мир особенных людей! Элка, которая спала со мной в школьном сарае, с которой мы плавились от восторга на старом, продавленном лежаке, с которой мы пили абсент из гранёных стаканов и закусывали его поцелуями, которой плевать всегда было на все условности мира и которая больше всего на свете презирала любую несвободу и невозможность делать то, что ты хочешь, эта Элка вдруг стала требовать от меня, чтобы я носил льняные пиджаки и ботинки ручной работы!!! Она заставляла меня напяливать медицинские перчатки, если нужно было долить воду в бачок омывателя! Я, видите ли, не должен испачкать руки!! Я – автомеханик по первой специальности!! А ещё я не должен звонить старым друзьям, потому что мне, звёздному Элкиному мужу, не о чем, видите ли, разговаривать с простым таксистом или ветеринаром! Мне вдруг стало нельзя носить удобную простую одежду, бриться наголо, мыться дегтярным мылом, здороваться с соседями и болтать с дворником, который метёт наш двор! Вся, вся моя жизнь должна быть подчинена её звёздному статусу! Я даже в туалет ходил, вздрагивая, а всё ли правильно я делаю? Достойно ли снял штаны? Не слишком ли бездарно сдёрнул воду? Мне стало казаться, что я всё это уже проходил когда-то. Давно, в детстве, при другом строе... Мы тогда носили одинаковую одежду, повязывали одинаковые пионерские галстуки, маршировали и хором читали речёвки. И не дай бог кто-нибудь вздумал бы выделиться! Не дай бог бы сбился с ноги, надел рубашку в цветочек или отрастил волосы больше положенной длины! Ты становился изгоем, тебя исключали, выгоняли и «прорабатывали». Да, вся эта ненавистная несвобода уже когда-то была. И что – опять?! Снова?! Ботинки только ручной работы и исключительно льняные пиджаки?! Униформа, униманеры и успешные унилюди?! Да плевать я хотел на них!!! Я хочу петь, когда выгуливаю собаку! Хочу узнавать про погоду у дворника! Хочу болтать с другом-таксистом, потому что мне интересно, с кем и куда он поедет в выходные на рыбалку, что будет пить и как врать жене! Я хочу лезть в мотор своей машины без гинекологических перчаток, и я знать не хочу, что статус моей машины должен быть таков, что в мотор просто не надо лезть!! Я хочу... жить! А не думать, где меня

с голой жопой застучает очередной папарацци! Элка не выдержала испытания славой! Она забронзовела и скурвилась. Моя жена сделала из меня болонку, виляющую хвостом, негра на побегушках, китайского болванчика, кивающего всему, что она скажет. Я ответил на ваш вопрос?!

– Не знаю. Миллионы читателей уверены, что она вас любит. Нет ни одного романа, где не фигурировал бы герой, названный вашим именем.

– Это собирательный образ. А я был для неё болонкой, – упрямо повторил я.

– И всё-таки вы завидовали и ревновали! Ни один нормальный мужик не вынесет рядом с собой такой знаменитой жены! – Ирма уставилась на меня, а я на неё, стараясь понять, действительно ли она такая упрямая дура, какой прикидывается. Стальные глаза хозяйки излучали силу, уверенность и насмешку.

– Думайте, что хотите, – холодно сказал я.

– Почему вы выбрали наш город?

– Я не выбирал. Просто ткнул маркером в карту.

– Почему решили устроиться на работу ко мне?

– Это единственная вакансия, где летом требуется педагог.

Ирма нахмурилась и побарабанила пальцами по столу.

– Ясно. Я вам не подхожу. – Я развернулся и пошёл к двери с твёрдым намерением покинуть этот пафосный дом.

– Вернитесь, – приказала Ирма Андреевна.

Я секунду подумал, взвесил все «за» и «против», и... вернулся, вальяжно сев на хрупкий диван.

– Вы мне нравитесь, – барабанила пальцами по столу, сказала хозяйка. – В вас есть максимализм подростка и уверенность взрослого мужика. В вас есть здоровая дурь и трогательная нежность. И потом... мне будет льстить, что у моего мальчика будет такой знаменитый учитель – внук самого Сазона Сазонова и муж модной писательницы Эллы Тягнибеды. Вы мне подходите. Очень даже подходите! Пять тысяч долларов в месяц вас устроит?

– Ско-олько?! – обалдел я.

– Ну, хорошо, шесть. Больше я дать не могу даже с учётом вашей тонкой душевной организации, отличной физической подготовки и блестящих педагогических навыков. Вы согласны?

– С-согласен, – пробормотал я, прикидывая на что буду тратить деньги в этом скучном маленьком городке.

– У меня очень трудный мальчик. – Ирма Андреевна села за стол, сцепив на коленях руки. – Очень трудный! Замкнутый. Нелюдимый. И... очень слабый физически. Он никогда не учился в школе и всегда находился на домашнем обучении. В школе дети его заклевали бы. Он очень стеснительный, добрый, ранимый. Совсем не умеет постоять за себя! С этой его бесхребетностью и трусостью нужно срочно что-то делать! Срочно! – Она посмотрела на меня жалобно, словно девчонка, у которой забрали куклу. – Я хочу, чтобы вы сделали из моего мальчика сильного, смелого и уверенного в себе ребёнка, способного дать отпор любому обидчику. Я хочу, чтобы...

– У мальчика есть имя? – перебил я её.

– Что? Ах, да, конечно. Его зовут Прохор. Он даже имени своего стесняется, краснеет, когда его зовут! Он... всего боится! Всего!!! – Ирма Андреевна вскочила и подошла к окну, заломив руки. – Он боится грозы, мух, воды, болезней, смерти, лягушек, снов, птиц, темноты, высоты и даже еды, которую ест...

– Смерти, вообще-то, и я боюсь, – невежливо перебил я её. – Сколько папану лет?

– Десять. В январе будет...

– Ну, в этом возрасте вполне нормально стесняться имени Прохор, вздрагивать при виде лягушек и не любить темноту.

– Скажите, вы сделаете из него человека?

– Сделаю! – пообещал я, вспомнив о щедрой зарплате.

– Я хочу, чтобы он прыгал, плавал, дрался и дерзил как настоящий мальчишка!

– Сделаю. Прыгать, плавать, драться и дерзить – дело нехитрое. – Я встал, показывая, что готов приступить к работе.

– Может быть, у вас есть ко мне вопросы?

– Есть, – неожиданно для себя сказал я. – Сколько вам лет?

– Да вы нахал ко всему прочему!

– Да, и собираюсь научить этому вашего сына по вашей же просьбе. Отвечайте, я никому не скажу.

В её глазах промелькнули поочерёдно удивление и возмущение, но как дама высшего света, она быстро справилась со своими эмоциями.

– Сорок девять, – невозмутимо сообщила Ирма Андреевна.

– Надо же. Я думал, максимум тридцать пять, – не соврал я.

– Только не учите моего сына быть подхалимом, – улыбнулась хозяйка.

– Я научу его говорить правду, какой бы лестью она не казалась! – Я обнаглел настолько, что поцеловал ей руку.

Она оттаяла так, что улыбнулась мне, показав ровный жемчуг зубов.

– Вы будете жить на территории дома и питаться на кухне. Выходной – воскресенье. Если захотите, можете выбираться в город. Арнольд сейчас покажет вам ваше жилище.

– Арнольд – это кто?

– Мой охранник. Он провожал вас сюда. Надеюсь, вы с ним подружитесь.

– Я тоже надеюсь, что у меня не будет недоброжелателей в вашем доме. Когда я смогу познакомиться с Прохором?

– В девять тридцать он завтракает. В десять можете встретиться с ним на лужайке перед бассейном. Там есть беговая дорожка и несколько турников.

– Отлично. Я рад, что мы нашли общий язык.

– Я тоже рада.

Мы обменялись улыбками, рукопожатиями и снова улыбками. Нужно было ретироваться, а то дело могло дойти до реверансов и поцелуев в щёчки.

«Жилище» оказалось двухэтажным комфортабельным домиком.

На первом этаже находились кухня, душевая и туалет, на втором – гостиная и небольшая спальня. Дом был оборудован по последнему слову техники. Кроме кондиционеров в гостиной и спальне, на кухне стояла отличная бытовая техника, включая посудомоечную и стиральные машины, тостер, кофемашину и микроволновку. В спальне над кроватью висел огромный плазменный телевизор, стояли ДВД и ноутбук с выходом в сеть.

– Не заскучаешь, – пообещал мне Арнольд, кивнув на штабеля дисков с фильмами и музыкой. – Тут тебе боевиков на полгода хватит смотреть.

– Кто здесь жил до меня? – поинтересовался я.

– Да кто только не жил! В основном, гости. Приедут на недельку к Ирме Арнольдовне, поколбасятся в тёплом климате и уедут куда-нибудь на Сахалин.

– Ясно. – Я, не разуваясь, плюхнулся на широкую тахту и с наслаждением вытянул ноги. – Будем считать, что я гость с Сахалина. Глеб, – представился я.

– Арно. – Он крепко пожал мне руку и присел на узкий диванчик возле стола. – Будешь пацана хозяйского уму-разуму учить?

– Буду.

– Совсем дикий пацан. Тяжело тебе придётся.

– Ничего. Я привык иметь дело с дикими пацанами.

Мне очень хотелось, чтобы Арно ушёл, но он и не думал оставлять меня в одиночестве.

– Хотел тебя предупредить... – Телохранитель замаялся и нервно потрепал свой мясистый нос.

Меня так заинтересовала его нервозность, что я даже привстал.

– Что? Хозяйка нерегулярно платит? – выдвинул я первую пришедшую на ум версию.

– Что ты, Ирма очень порядочная женщина. Если она сказала, что заплатит, значит, заплатит – аккуратно и в срок. Но у Ирмы есть старшая дочь, Настя. Ей двадцать три года и это... тушите свет. Ни одного мужика не пропустит. Красивая, стерва, и этим пользуется. А потом всеми щупальцами вцепляется так, что шагу ступить невозможно. Интригует, компрометирует, перед хозяйкой так подставляет, что с работы запросто вылететь можно! До меня тут ни один телохранитель больше месяца не работал, но предыдущий парень оказался моим бывшим одноклассником, он меня предупредил. Так что я свою службу в этом доме выстраиваю так, чтобы со стервозиной-Настей не пересекаться. А если и пересекаться, то в присутствии других членов семьи, что и тебе советую. Ты мне нравишься, и я не хочу, чтобы на твоём месте через неделю оказался какой-нибудь зануда-ботаник.

– Спасибо, что предупредил, – искренне поблагодарил я. – Буду держаться от хозяйской дочки подальше. – Я снова лёг, вытянул ноги и закрыл глаза, в надежде, что теперь-то уж Арно точно уйдёт.

Но он не двинулся с места.

– Слушай, у меня впечатление, что я тебя где-то видел...

– М-м-м, – промычал я, давая понять, что хочу отдохнуть перед началом рабочего дня.

– Вспомнил! – Судя по звуку, Арно треснул себя ладонью по голове. – Вспомнил... Ты муж великой писательницы Эллы Тягнибеды!

– Не великой, а известной, – не открывая глаз, раздражённо поправил я. – Великие у нас Лев Толстой и Пушкин. Остальные – известные...

– Ну, дела! – продолжал радоваться телохранитель. – Да я же твоё фото в журнале «Бэлль» видел! У тебя там был та-акой костюм!!! Та-акие ботинки!!! Слушай, а чего ты с такой женой, да с такими её гонорами в придворные педагоги подался?!

– Чтобы остаться самим собой, а не быть мужем известной жены. – Я открыл глаза и хмуро посмотрел на Арно, проклиная тот день, когда согласился на фотосессию в популярном глянце.

– Ну, не знаю... – Арно посмотрел на меня как на невиданное чудовище с рогами и хвостом. – Если бы у меня была та-акая жена, та-акой костюм и та-акие ботинки, я бы ни за что...

– Извини. Я прямо с дороги, а впереди рабочий день. Хотелось бы отдохнуть пятнадцать минут. Был рад знакомству. – Я резко встал и протянул ему руку.

Он пожал её с некоторым подобострастием и ушёл.

Я уехал от Эллы за тысячи километров, а шлейф её звёздности преследовал меня, словно тень... Выхватив из сумки мобильный, я позвонил жене.

– А? – сонно спросила она.

Я успел забыть, что раньше полудня Беда не встаёт.

– Прости, что разбудил. Скажи, в каких ещё популярных изданиях появится моя рожа в этом месяце?

– В «Домашнем камине», в «Космополите», в «Кролике», – перечислила Эллка. – А что?!

– Ужас. И я везде в льняном пиджаке?

– Ты везде рядом со мной, – ледяным тоном ответила Эллка.

– Слушай, а ведь нас с тобой ещё для какой-то телепередачи снимали, – вспомнил я.

– Для программы «Домашний любимец», – напомнила Эллка.

- Домашний любимец – это я?! – ужаснулся я.
- Нет, это наша собака.
- Фу, слава богу. В чём я там был, напомни.
- В халате от Валентино и тапочках от Юдашкина.
- Эти ребята не гнушаются тапочками и халатами?!
- Слушай, Бизя, что ты от меня хочешь?
- Я хочу понять, как долго меня будет узнавать каждая собака на улице.
- Думаю, бесконечно долго, – зевнула на том конце Элка. – Ты, что называется, засветился. Может, бороду отрастишь для конспирации?
- Поздно. Я без бороды уже на работу устроился.
- Ну, дело хозяйское. Мне не спрашивать, в какой город ты улетел?
- Нет.
- А куда устроился на работу?
- Тоже нет.
- Может, тебе нужны деньги?
- Мне нужно, чтобы от меня все отстали.
- Все – это я?!
- Я нажал на отбой.

Все разговоры с Бедой для меня в последнее время стали большим испытанием. Даже если нужно было всего лишь спросить, вскипел ли чайник, выяснялось, что я уделяю ей слишком мало внимания и не хочу прислушиваться к её мнению. Когда чайник всё же вскипал, я уже не очень хорошо помнил его предназначение, зато успевать дать Элке согласие поехать на выходные в Куршевель, а до этого молчать три дня, ходить на цыпочках и спать в прихожей на раскладушке, чтобы она успела дописать свой новый роман.

Я помассировал виски, чтобы снять напряжение после разговора с Бедой.

Едва я почувствовал себя сносно, как зазвонил мобильный телефон на дисплее которого высветилось «Беда».

- Слушаю, – сухо сказал я.
- А можно, я скажу журналистам, что ты изменил мне с Ксюшей Собчак, и поэтому мы решили пожить отдельно? – заискивающе пропела Элка.
- Только не с Собчак, – испугался я. – Она мне как сестра.
- Тогда с кем из знаменитостей ты хотел бы мне изменить? Пресса не отстанет, пока не узнает причину, по которой я осталась одна! Не могу же я на весь мир заявить, что мы просто друг от друга устали!
- Почему не можешь? – задал я наиглупейший вопрос.
- Потому что от звезды устать невозможно! Её можно только променять на другую звезду!!! – заорала мне в ухо Элка. – Немедленно говори, с кем ты хочешь мне изменить!
- Ладно, тогда с Собчак, – вздохнул я. – Она хоть книжки не так часто пишет как все остальные.
- Я всегда знала, что ты никогда меня не любил, – трагически прошептала Беда и отключилась.

Я опять помассировал виски, обследовал дом на наличие камер, и, не найдя ни одной, спокойно направился в душ. Через пятнадцать минут предстояло знакомство с Прохором.

Я побрился, переоделся в спортивный костюм и лёгкой трусцой побежал на лужайку перед бассейном.

Он не пришёл ни через десять, ни через двадцать минут.

Я занервничал, обежал лужайку по периметру и даже заглянул в бирюзовую глубину бассейна. Что делать, если воспитанник в богатом доме не является на занятия, я не знал. В школе я бы пригрозил ему отчислением, двойками, отрицательной характеристикой, а тут...

Я тоскливо посмотрел на окна хозяйского дома. Вокруг не было ни души.

Вдруг в кустах кто-то чихнул.

– Эй!! – Бросившись к барбарисовым зарослям, я раздвинул колючие ветки. – Эй, кто тут?!

Кто-то мелкий и юркий прошмыгнул у меня между ног и спрятался за широким стволом раскидистого дерева.

– Прохор! – догадался я и ринулся к пацану, в надежде с ходу завоевать его доверие и понимание.

Но пацан и не подумал проникаться ко мне добрыми чувствами. Он стремительно залез на нижнюю ветку дерева и тихонько завыл.

– Слезай, – задрал голову, попросил его я.

– Ты меня бить будешь, – провыл мальчишка, забираясь выше ещё на одну ветку. Он был типичный дохляк и недотёпа – тощий, нескладный, болезненно-бледный, в круглых очках и нелепо сидящей дорогой одежонке.

– С чего ты взял, что я тебя бить буду? – удивился я, гарцуя под деревом.

– Ты бандит! – пропищал пацан. – Я по телевизору тебя видел!

– Да ну? В какой передаче?

– Домашний... домашний...

– Любимец? – обрадовался я.

– Да! – заорал Прохор. Тонкая ветка под ним сломалась, и он грохнулся на землю.

– Сам подумай, – постучал я себя по лбу, наклоняясь над ним. – Разве бандит может быть домашним любимцем?!

– А кем же он может быть? – в ужасе уставился на меня пацан, выставляя перед собой руки. – Как раз домашним любимцем! Кто его, бандита, ещё полюбит, кроме домашних?

С логикой у него всё было в порядке.

– Я твой педагог. Вставай! – Я протянул ему руку, но он ужом извернулся на зелёной траве, вскочил и побежал к бассейну.

– Я твой тренер! – побежал я за ним. – Стой! Меня твоя мама на работу взяла! Она хочет, чтобы ты стал сильным и смелым, она хочет...

– Моя мама хочет, чтобы я с вашей помощью стал домашним любимцем!

– Тьфу! – Я резко остановился. Прохор бежал вокруг бассейна, а, значит, неизбежно приближался к точке, где стоял я. – Запомни, Прохор, домашние любимцы – это кошки, собаки, попугаи, змеи, крокодилы и кролики! Это животные! Они милые, о них принято заботиться, их принято кормить и баловать. К бандитизму эта тема отношения не имеет. Меня в телепередаче показывали как хозяина большой и доброй собаки. Собаки, слышишь, трусишка?! А я – добропорядочный гражданин, который по утрам чистит зубы, есть на завтрак овсянку и зарабатывает на жизнь тем, что воспитывает таких охламонов как ты...

Прохор всё-таки прибежал по кругу ко мне, и – замер как вкопанный, поняв подвох моей неподвижности и долгой, бессмысленной речи. Он встал на кромку бассейна, и, вскинув руки, начал балансировать на краю.

– А сейчас где твоя собака? – спросил он, с ужасом глядя в воду.

– С женой.

– А жена где?

– С собакой.

– Ясно. Значит, вы разлюбили друг друга, а страдает собака.

Он был так прав, что у меня защемило сердце.

Я протянул ему руку, чтобы он не трясся на узком бортике, но Прохор от руки отшатнулся, потерял равновесие и полетел в воду. Плавать он, естественно, не умел, поэтому камнем пошёл ко дну. Я нырнул быстрее, чем он успел нахлебаться воды и прежде, чем стёкла его очков намокли.

– Ну ты и кадр! – не скрывая испуга, выдохнул я в лицо Прохору.

– Вы меня утопите? – заплакал Прохор, пытаясь вырваться из моих рук и всё-таки уйти камнем на дно.

Я схватил его за шиворот белой рубашки, выкинул на берег и выбрался сам.

Начало моих педагогических подвигов никуда не годилось. Следовало пойти к хозяйке, чтобы отказаться от должности семейного педагога и баснословной зарплаты.

Пацан был невменяемый.

Прохор попытался вырваться и удрать, но я крепко держал за ворот мокрой рубашки.

– Я вспомнил, твоя жена книжки пишет, – неожиданно сказал он, переставая дёргаться.

– Есть контакт! – выдохнул я с облегчением. – Теперь ты понял, что я не бандит?

– Так она детективы пишет! А там трупы, убийства и преступления! Где она сюжеты берёт?!!

Это был любимый вопрос журналистов, но никто из них никогда не задавал его с таким нехорошим подтекстом.

– Не у меня, – заверил я Прохора. – Я зубы чищу, овсянку ем и детей дрессирую...

Прохор дёрнулся, и, оставив у меня в руке кусок воротника, со всех ног помчался к дому. Я остался стоять как последний дурак – мокрый, растерянный, с куском детской рубашки в руке. Следовало как можно быстрее бежать к Ирме Андреевне и отказываться от места. Следовало честно признаться, что мальчику требуется психиатр, а не тренер и воспитатель.

– Что, бодаетесь с Прохором? – раздался у меня за спиной бархатный голос.

Я обернулся и увидел парня лет тридцати. Был бы я бабой, упал бы замертво от его неземной красоты. От голубых глаз, загорелых бицепсов, ямочки на подбородке, золотого колечка в ухе, татуировки во всю правую руку и длинных светлых волос, которые развеивал ветер. На парне были белые джинсы и белая майка без рукавов, эффектно подчёркивавшие его безупречное телосложение и бронзовый загар.

– Никас, – протянул парень мне руку. – Муж Ирмы Андреевны и отец Прохора.

– Глеб, – представился я, и мы пожали друг другу руки.

– Пытаетесь сделать из Прохора человека? – Никас сел прямо на траву и закурил длинную, чёрную сигарету.

– Пока лишь пытаюсь поймать его, – вздохнул я, усаживаясь рядом.

– Удалось?

Я молча показал папаше кусок воротника.

Он кивнул и глубоко затынулся.

– По-моему, у Прохора аутизм, кретинизм и все признаки дебилизма. Но жена уверена, что ему просто нужен хороший учитель, – усмехнулся Никас.

– Нормальный пацан, – возразил я. – Нужно с ним только немного позаниматься...

– Педагогика – самая бесполезная наука на свете! Человек вырастает таким, каким его задумала природа.

– Я думал, вы скажете бог, – засмеялся я.

– Бог – это и есть природа, – хмыкнул красавчик-папаша. – Гены, хромосомы и всё такое. Прохору не повезло. Какой-то сбой произошёл в природе и вместо того, чтобы родиться таким как я, он родился трусливым, забитым уродцем.

Разговор настолько перестал мне нравиться, что я передумал бежать к хозяйке отказываться от места.

– Через неделю вы не узнаете своего сына, – твёрдо сказал я папаше и встал.

Никас загасил сигарету, бросил окурочок в кусты и тоже поднялся.

– Ты зря теряешь здесь время, Глеб, – сказал он. – Мой тебе совет – беги из этого дома. Думаешь, ты первый, кого нанимает Ирма, чтобы переделать пацана?! Да до тебя с ним работали светила медицины и педагогики! И все с позором сбежали, расписавшись в своей беспомощности!

– Я не сбегу. Потому что ни в медицине, ни в педагогике я ни бум-бум. Мне плевать на диагнозы и хромосомы. Я вижу, что мальчишка нормальный.

– Ну-ну, – засмеялся Никас. Он быстро сбросил одежду, грациозно нырнул в бассейн и размашисто поплыл, отблескивая на солнце загорелой спиной.

И зачем тут бассейн, если в двух шагах море?!!

Я вздохнул и поплёлся в свой домик, чтобы в прохладе продумать стратегию по укрощению и приручению Прохора. Одежда на солнце уже просохла, а голова распухла от теснивших её нерадостных мыслей.

* * *

Следующий день был воскресенье.

Я не стал форсировать события и воспользовался своим законным выходным.

Если бы я знал, чем это закончится...

Как человек, не привыкший быть без колёс, я заехал с утра на автомобильный рынок и совсем недорого купил двадцать первую «Волгу» пятьдесят восьмого года выпуска: отреставрированную, холёную, с никелированной фигуркой оленя на капоте, выкрашенную в два цвета, – красный и белый. Довольный своей покупкой, я решил опробовать её, и минут сорок гонял по Окружному шоссе вдоль побережья, проверяя старинный агрегат на скорость, торможение и послушность рулю. Техническое состояние «Волги» оказалось выше всяких похвал. Я «делал» на ней даже «японцев», а встречные джипы миганием фар и пронзительными сигналами одобряли мою старушку за её нехилую скорость.

Наконец, я проголодался, и хоть на хозяйской кухне мне полагалось немало вкусной еды, решил перекусить в придорожном кафе.

Моё внимание привлекла шашлычная под названием «Аллигатор». Даже не знаю, что мне больше понравилось – название, чистоплотные парни в белых халатах, орудовавшие возле мангалов, или запахи, от которых сводило желудок.

Стоянка оказалась забита, мест для парковки не было, и я невежливо подпёр два одинаковых «Сааба». Посигналят, подумал я, направляясь изучать меню заведения.

Часть столиков находились на улице, а часть – в просторном павильоне, в центре которого размещался искусственный водоём, украшенный табличкой «Таня и Ваня. Просьба руками не трогать, не кормить, не нырять и не приставать». Заинтригованный, я заглянул в водоём и увидел двух живых крокодилов. Замерев, они сидели на камне, и ничего хорошего их неподвижные глаза не предвещали... Кажется, аллигаторы готовились к стремительному броску, а, может, отдыхали после него, переваривая зазевавшегося посетителя. Только приглядевшись внимательнее, я увидел, что на лапах у крокодилов цепи, прикреплённые к стене бассейна.

– Поглазеть пришли, или перекусывать будем? – весело подмигнул мне парень типичной поварской внешности – высокий, полный, в белом колпаке и переднике.

– И чем же у вас тут можно перекусить? – усмехнулся я, занимая столик у стены, подальше от крокодилов.

– Люля-кебаб, дымляма, – начал загибать пальцы парень, – хачапури, чахахбили, гуляш, бефстроганов, салаты всех мастей, сациви, далма, ну, и шашлык, разумеется, трёх, между прочим, видов – из баранины, свинины и осетрины.

– Разнообразно, – похвалил я. – Принесите всего по одной порции, а там видно будет. – Парень в колпаке расплылся в такой восхищённой улыбке, что я почувствовал себя благодетелем.

– Наш человек! – сказал он, похлопав себя по пузу, и вдруг представился: – Аркадий Сомов, владелец этого заведения.

– Глеб Сазонов, – пожал я его руку, оказавшуюся на удивление твёрдой и сильной. – Педагог. Большой любитель пожрать.

– Побольше бы таких педагогов! – Он опять подмигнул мне и ушёл на кухню с достоинством короля.

Я огляделся. Кафе мне нравилось: во-первых, тут не гремел ни шансон, ни попса, во-вторых, не было накурено и не воняло спиртным. Тут пахло чистотой и уютом, чем может похвастаться не всякое придорожное заведение. Но главное отличие этого кафе состояло в том, что между столиками не бегали официанты, посетителей в зале обслуживал сам хозяин.

Через двадцать минут на моём столе дымились десять блюд, источая такой аромат, что я едва сдержал себя, чтобы не начать есть руками. Порции, надо сказать, оказались неслабыми, но я был так голоден, что через пятнадцать минут Сомов уносил от меня гору пустых тарелок.

– Нехило, – похвалил он, вернувшись. – Что-нибудь ещё? Есть баранья нога в фирменном сливочном соусе.

– Тащите, – не задумываясь, кивнул я. – Бараньей ноге в сливочном соусе мой организм скажет «ура!».

– И как это вам удаётся, столько есть и не толстеть? – удивился Сомов, снова похлопав себя по внушительному пузцу.

– Сам удивляюсь, – засмеялся я. – Наверное, педагогика очень энергозатратная... – Договорить я не успел.

В зал влетел разъярённый детина с синей татуированной шеей и злыми глазами. Поэтому, как он сжимал кулак, я понял, что в руке у него кастет, и детина намерен пустить его в ход.

– Чья расписная кибитка преградила нам выезд? – заорал он и с излишней свирепостью обвёл зал выпученными глазами. – Чьядохлая волжара раскорячилась поперёк дороги, суки?!

– Ну, моя, – не очень охотно признался я. – Только чего глотку-то драть? Сказал вежливо, я отъехал. А теперь мне что-то и отъезжать-то не очень охота. – Я зевнул и погладил себя по животу, заимствовав этот красноречивый жест у хозяина кафе.

– Что?! – нервно подпрыгнул парень с синей шеей. – Что ты сказал, падла?!

– Я сказал, – нарочито медленно выговорил я, – что отъеду только после того, как съем – какую там ногу? – поднял я глаза на Сомова.

– Баранью, в сливочном соусе, – вежливо напомнил Аркадий, и, наклонившись, беспокойно прошептал мне на ухо: – Не советую связываться с этим отродьем. Их шесть человек на двух «Саабах»! Местные бандюки... Рынки автозапчастей держат, рэкет, шантаж, убийства и похищения людей с целью получения выкупа...

– Я не отъеду, пока не съем баранью ногу в сливочном соусе, – с улыбкой повторил я.

– Вс-стать, п-падла!!! – заикаясь от ярости, заорал местный держатель авторынков и похититель людей. – Вс-стать, я с-сказал!!!

– Плакал мой интерьер, – вздохнув, Аркадий закатал рукава.

– Сколько, говоришь, их человек? – уточнил я.

– Шесть.

– Эх, не хотел сегодня заниматься педагогикой, но придётся... – Я встал и расправил плечи, показав почти два метра своего роста. – Слышь, ты, синяя шейка, выйди отсюда, – по-хорошему попросил я. – А то придётся поучить тебя и твоих дружков вежливости.

Он скакнул на меня с дилетантским, корявым замахом, но я легко перехватил его руку, заломил назад, тюкнул по темечку кулаком – легонько, так, для острастки, – и выкрутил из обмякших пальцев кастет. После этих нехитрых оздоровительных процедур я вывел парня на улицу.

Эх, какое тут было раздолье!

Не шесть, а целых семь пацанов самой неблагополучной наружности, окружили меня. Я был выше этой команды на две головы, и раза в три шире каждого из них, но они на что-то рассчитывали. Швырнув на них обездвиженного товарища, я с удовольствием приступил к делу...

Первых двух я уложил ударами в печень. Они не успели даже удивиться своей нерасторопности и неумению держать удар. Третий достал меня ногой в челюсть, но я поймал его за ремень, раскрутил и отправил в свободный полёт по шоссе, где немедленно послышался визг тормозов и маты водителей.

Остальные четверо прилипли ко мне как панировка к сырой котлете и, надо сказать, это оказалось неприятно, потому что парни сильно били меня по голове и другим жизненно важным органам. Уж как я только не пытался их сбросить! Разбегался и бросался на землю, брыкался, проводил бесполезные хуки и апперкоты, даже нырнул в мангал с тлеющими углями. Но эти сволочи не отлипали. Численное преимущество – страшная вещь, но во мне бродили качественные калории съеденных мясных блюд, и сил ещё было достаточно, и желания, и дури, и отчаяния, и боли за свою погибающую любовь и неустроенную семейную жизнь...

Парочку пацанов я всё-таки уложил между пластиковыми столиками отдохнуть, прижав стульями, а рухнувшие тенты прикрыли их тела безразмерными саванами с рекламой «Колы». Но тут ожили первые кадры – тот, у которого шея выглядела немойтой из-за тату, и тот, который на шоссе наделал переполох и пробки. Первый подбежал с намерением нацепить меня на шампур, второй с желанием попасть в меня из «травматики». Несколько шальных резиновых пуль прошли мимо, а потом и вовсе закончились.

Вот тут мне пришлось туго.

Столы и стулья летали, тенты падали и трескали, мангалы с красными углями и недожаренными шашлыками порхали в воздухе, ваяясь под колёса проезжающих мимо автомобилей.

Веселье набирало обороты, но силы подходили к концу. Посетители разбежались как пугливые зайцы, машины спешили покинуть побоище, а чистоплотные парни-шашлычники попрятались в кустах.

Помощь пришла неожиданно и своевременно.

Словно пушечное ядро в нашу заварушку влетел толстяк Сомов. Дрался повар неумело, но, учитывая его рост, вес и энтузиазм, пользу он принёс ощутимую. Парочка отморозков, получив от него по кумполу, бросилась к своему «Саабу» и уехала, виртуозно объехав мою «двадцать первую» старушенцию. Во второй «Сааб» лично я утрамбовал тела остальных четырёх участников драки и от всего сердца пожелал им доброго пути. Они уехали, плохо ориентируясь в пространстве и вилля задом, словно на гололёде.

Запыхавшийся Аркадий обошёл свои разгромленные владения и обнаружил под тен-том того первого атамана, который пугал меня кастетом и лишил возможности в спокойной обстановке съесть баранью ногу.

– Уходи отсюда, – пнул его ногой Сомов.

Атаман промычал что-то, схватил вдруг Аркадия за ногу, повалил на землю и начал музутить. От неожиданности Аркадий пропустил пару ударов в голову. Я так разозлился, что отбил Аркадия у этого урода запрещёнными пинками в пах. Он ухнул, замер, затих, но просто так оставлять мне его не хотелось. Я завернул тело в тент и потащил в помещение.

– Ты куда? – бросился за мной Сомов.

– Есть одна воспитательная идея, – пробормотал я, засовывая голову атамана в бассейн с крокодилами.

Атаман дёрнулся, забился в моих руках и начал пускать пузыри. Аллигаторы посмотрели на него с интересом, но с места не двинулись.

– Они всякую дрянь не едят, – подбежав, пояснил Аркадий.

– Жаль. На их месте я бы кусочек попробовал.

Мы вытащили парня из пруда и положили между столиками. Аркадий по мобильному вызвал такси. Машина прибыла через минуту, и мы перепоручили упакованного в тент атамана таксисту, щедро заплатив ему за хлопоты.

– В медсанчасть его, – приказал я чрезвычайно удивлённому водителю.

– В какую? – уточнил он.

– В любую, где есть гипс и наркоз, – пояснил я, и машина умчалась.

День удался на славу.

Можно было подумать и о бараньей ноге.

– Теперь я понимаю, почему ты так много ешь и не толстеешь, – сказал Сомов, утирая со лба пот рукавом. – Если бы я так каждый день разминался... Сильная наука – педагогика!

– Зачем ты в драку полез? – спросил я.

– Не люблю, когда семеро на одного, – улыбнулся он.

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались. У Аркадия была сильно разбита скула, на лбу красовалась шишка. У меня разбухла губа, левый глаз заплыл полностью, а правый наполовину.

– Сом, – счёл нужным заново представиться Аркадий.

– Бизон, – поддержал я его порыв.

Мы пожали друг другу руки и вернулись в кафе. Это был лучший выходной в моей жизни. Посетители не рисковали заходить в «Аллигатор» до самого вечера, видя перед входом перевёрнутые мангалы и разбросанные столы. Шашлычники разбежались по домам, не спросив разрешения у хозяина. Мы остались с Сомом одни, не считая Тани и Вани, конечно.

Через час на столе, за которым мы обосновались, стояли баранья нога, фаршированный поросёнок, гусь с какой-то экзотической хреновиной внутри, далеко не вегетарианские салаты и... литров пятнадцать свежего бочкового пива. Мы просидели с Сомом до позднего вечера, болтая обо всём, и ни о чём – о любви, о дружбе, о палестино-израильском конфликте, о мировом финансовом кризисе, о том, что еды должно быть много, а пива – ну очень много! Нам казалось, что мы знаем друг друга всю жизнь, что мы родились в одном городе, в одном роддоме, ходили в один детский сад, учились в одном классе, а потом, повзрослев, в один прекрасный день вместе разгромили банду разбойников...

– Скажи, где ты взял аллигаторов? – спросил я, порядком накачавшись пивом.

– Таню в зоопарке купил, а Ваня... Ты не поверишь, он сам пришёл. Причухал по шоссе и к Тане в пруд свалился со счастливой мордой.

– Почему не поверю, поверю... Я бы сам куда-нибудь причухал и свалился к кому-нибудь со счастливой мордой. А кто из них кто?

– Таня зелёная, а Ваня серый, с длинным хвостом. Или наоборот.

Мы заржали, допили пиво, доели жареных карпов, которые неведомо как очутились на нашем столе, и стали прощаться.

– Я тебя вспомнил! – вдруг заорал Сом. – Я вспомнил, где тебя видел!

– Тс-с! – прижал я палец к губам. – Давай раз и навсегда договоримся, – ты меня там не видел!

– Давай, – заговорщицки прошептал Сом. Мы выпили с ним по последней, чокнувшись большими кружками так, что половина пива выплеснулась на скатерть.

Чтобы добраться на «Волге» домой в оччень нетрезвом виде, мне пришлось нанять Камаз, который согласился дотянуть мою старушку до хозяйской виллы на жёсткой сцепке.

Я бросил машину возле ворот и на цыпочках прокрался в свою благоустроенную нору, надеясь, что меня никто не заметит.

Наутро все местные телеканалы сообщили о «беспрецедентной драке между двумя криминальными группировками, которые много лет воюют за сферы влияния в городе». Мало того – все местные телеканалы показали видеокadres этой драки, сделанные с мобильного. На записи отчётливо слышались звуки ударов, хруст костей и стоны поверженных. Пару раз во весь экран мелькнула моя разгорячённая физиономия. Пару раз мои ботинки ручной работы, будь они неладны, попали кому-то в челюсть. Какой-то идиот поработал мобильным репортёром и разослал скандальную съёмку по всем новостным каналам...

Я щёлкал телевизионным пультом, чувствуя себя предателем и преступником. На всех местных каналах показывали одно и тоже – драку в придорожном кафе «Аллигатор».

И так ведут себя педагоги?!!

Это был конец моей воспитательной деятельности в богатом, приличном доме.

Я умылся, побрился, залепил пластырем все раны, которые можно было залепить, и, прихрамывая, пошёл к хозяйке. Я решил избавить её от необходимости формулировать причины моего увольнения и уволиться сам.

Грустные мысли теснились в похмельном мозгу, и первой из них была та, что придётся заново тыкать фломастером в карту, снова куда-то ехать, устраиваться на новом месте и искать работу, потому что жить без работы я не могу. С педагогикой по всей вероятности нужно завязывать. Что-то перестало у меня получаться сеять разумное, вечное, доброе. Нарушив вчера свой личный сухой закон, я не испытывал угрызений совести. Я ничего не испытывал, кроме боли в мышцах и злого сушняка.

Может быть, снять в аренду большой гараж и организовать там автомастерскую?! Тогда не нужно будет грузиться моральным обликом, и по субботам вполне можно позволить себе пить пиво с Сомом и чистить рыла местным отморозкам.

Чтобы перебить пивной перегар, я решил заскочить на кухню и выпить кофе с какими-нибудь булками, если эти булки там, конечно, найдутся.

Булки нашлись, целый тазик – с маком, с корицей, с кунжутом и даже с повидлом, – но кроме них на кухне обнаружилось рыжеволосое юное создание в полупрозрачном пеньюаре.

Создание сидело на высоком барном стуле, и, эффектно закинув ногу на ногу, маленькими глотками хлебало кофе из крошечной чашки.

Такое зрелище на похмельную голову было слишком, учитывая, что под розовым пеньюаром у девчонки ничего не было, кроме красных стрингов и её собственного юного тела. Я даже подумал, что у меня какой-то глючный синдром после вчерашних упражнений на свежем воздухе, но синдром вдруг вытянул ногу, преграждая мне путь, и бесцеремонно спросил:

– Ты кто?

– Где? – не врубился я в суть вопроса.

– Ой, вы Герасим! – обрадовалась красotka. – Большой, тупой, глухой, и собак топите, да?!

Я снова засомневался в реальности происходящего и молча налил себе кофе из внушительных размеров кофемашины.

– Так вы Герасим? – не унималась девчонка.

– Я кофе пью, дура, – нагрубил я, закладывая в стакан восемь кусков сахара и неприлично громко размешивая их ложкой.

– Я – дура?! – поразилась девица.

– Ну не Герасим же дура, – буркнул я, с наслаждением отпивая кофе, и зачем-то добавил: – Великая сила русской литературы – всегда есть о чём поговорить с девушкой!

– И при чём тут русская литература? – нахмурилась девка.

Я понял, что лучше молчать и немедленно забил рот тремя булками. Девчонку для себя я обозначил «Муму» и постарался на неё не смотреть.

Женский пол в таких провокационных халатах и с такой трухой в голове давно перестал меня интересовать. Вот Элка... Та, прошлая Элка, в такой ситуации наверняка бы была в джинсах и майке, а при моём появлении она фыркнула бы, поправила мизинцем очки и постаралась, чтобы кофемашина шарахнула меня током. Да уж, Элка ни за что не стала бы усугублять несчастную судьбу Герасима вольным пересказом.

Вспомнив о бывшей жене, я, как водится, загрустил. Булки из тазика перекочёвывали в мой желудок со скоростью трёх-четырёх в минуту.

– А вы вполне симпатичный хам, – вернула меня к действительности красотка. – Высокий, сильный, прожорливый и в меру избитый. – Она спрыгнула с высокого стула и обошла вокруг меня, словно вокруг новогодней ёлки.

– М-ва-ва, – промычал я с забитым ртом, надеясь, что Муму найдёт чем заняться, кроме меня.

Она и нашла. С чрезвычайной грацией задела локтем мой стакан с кофе, перевернула его на себя, и, завизжав, начала сдирать с себя пеньюар. Вполне возможно, она обожглась, но в любом случае я не хотел наблюдать её без одежды, поэтому, применив силу, попытался вернуть пеньюар на место. Прозрачный халат затрещал и порвался. Муму опять завизжала и повисла на мне, прилепившись губами к моей травмированной скуле. Я уже плохо сообщал и зачем-то попытался натянуть прозрачные обрывки пеньюара на себя... Эх, мне бы десять амбалов, о которых можно почесать кулаки, а не эту рыжеволосую стерву – тонкую, голую, беззащитную и одуряющее пахнущую.

Дверь открылась, на кухню зашла тётушка в белом переднике. Увидев нас, она замерла, потом вдруг схватила полотенце, скрутила его и начала охаживать меня по спине.

– Ах ты, бесстыдник! – приговаривала она. – Ах, быдловская морда! Не успел на работу устроиться, а уже дочку хозяйскую насильничает!

Муму быстро от меня отлепилась, закуталась в кружевное рваньё и забилась в угол, потупив невинные глазки.

– Настенька, что он с тобой делал?! – кинулась к ней кухарка. – Где обидел?! Куда оскорбил?!

И только тут до меня дошло, что Муму – это та самая Настя, о которой меня предупреждал Арно.

Я схватил последнюю булку из тазика, выскочил из кухни и дал дёру, не разбирая ни курса, ни направлений.

«Куплю гараж... – стучало в висках. – Открою автомастерскую... И чтоб никакой педагогики... И никаких баб...»

Я залетел в спальню к хозяйке, не постучавшись.

Ирма сидела на пуфике перед трюмо и делала со своим лицом что-то сложное. На ней был точно такой же пеньюар, как на Насте, будь он неладен...

– Ой! – заорал я и дал задний ход. – Извините! Простите!

– Заходите, – остановила меня хозяйка. – Если вас не смущает мой вид, садитесь и говорите, зачем пришли. – Она побарабанила себя по щекам, густо смазанных кремом и начала лупить подбородок снизу хлёсткими, уверенными движениями.

– Меня уже ничего не смущает, – пробормотал я, усаживаясь на изысканно-хлипкий стул.

– Вот и отлично. Рассказывайте, – кивнула Ирма Андреевна, бросив на меня быстрый взгляд в зеркало.

– Вы должны уволить меня! – отрапортовал я.

– Почему?

– Я вчера напился и подрался.

– Было бы хуже, если бы весь день читали Кафку, а потом рисовали закат. Я видела драку по телевизору. Вы один уложили семь человек! Bravo! – Она похлопала в ладоши и опять стала лупить подбородок.

– Не один, – скромно потупился я. – Мне помог хозяин кафе.

– Неважно. Мне льстит, что такой парень как вы, работает воспитателем моего сына. Когда у вас тренировка?

– Вы должны немедленно уволить меня! – вскочил я. – Я... я оскорбил вашу дочь!

– Чем? – Удары по подбородку усилились.

– Я назвал её дурой и порвал на ней халат.

Ирма захохотала и перестала наконец истязать свой подбородок.

– Надеюсь, халат вы порвали не в порыве страсти? – спросила она.

– Нет. Я защищался.

– Ясно, – кивнула хозяйка, принимаясь за пощипывание лба. – От Насти все защищаются, даже я. А «дура» для неё не оскорбление, а диагноз. Идите и работайте, если у вас, конечно, нет более веских причин уволиться.

– Я съел все булки из таза! – Я продолжал настаивать на своём увольнении, потому что сроднился с идеей открыть автомастерскую.

– Все?! – Ирма повернулась ко мне. Без косметики её лицо казалось моложе, мягче и симпатичнее.

– Все, – радостно подтвердил я, чувствуя, что нашёл верный способ вызвать хозяйский гнев.

– Вы всегда так много едите? – строго уточнила хозяйка.

– О моей прожорливости ходят легенды! – заверил я Ирму Андреевну.

– Хорошо, что предупредили. Я попрошу нашу кухарку Марию готовить в два раза больше. – Она отвернула к зеркалу и опять занялась своим подбородком.

Я вышел из спальни с лёгким чувством разочарования, но с мыслью, что автомастерскую, в конце концов, никогда не поздно открыть.

– Стойте! – вдруг окликнула меня Ирма Андреевна.

Я замер и оглянулся.

– Покажете мне как-нибудь пару приёмчиков? – Она выразительно побоксировала воздух.

– Покажу, – пообещал я и ушёл, размышляя о том, как у таких умных и обаятельных женщин рождаются дочери-Муму.

В этот раз Прохор не стал прятаться от меня в кустах.

Он забился под лавочку, которая стояла на краю зелёной лужайки.

– Вылезай! – присев на корточки, попросил я. – Нельзя быть таким трусишкой.

– Трусишки под брюками носят, а я просто не хочу иметь с вами дела, – ответил пацан, ещё глубже утрамбовываясь под лавочку.

– Э, да ты с чувством юмора! – похвалил я. – Молодец, про трусы хорошо схохмил. Но тебе всё равно придётся вылезти и иметь со мной дело. Мне платят немалые деньги за то, чтобы ты общался со мной.

– Я плачу? – слегка высунул голову из-под лавочки Прохор.

– Почему ты? – растерялся я. – Твоя мама.

– Вот к маме и топай! – закричал Прохор, и было в этих словах нечто правильное и справедливое.

– Выходи, – жалобно попросил я. – Мы с тобой побегаем, попрыгаем, я тебе пару приёмчиков покажу!

– Ты бандит! – заорал пацан и так дёрнулся под лавочкой, что ножки у неё оторвались от земли. – Я видел тебя сегодня по телику! Ты дрался, убивал, насиловал и поджигал!!!

– Кого это я насиловал? – поразился я. – Кого поджигал?!

– А-а-а-а!!! – Он побежал от меня на четвереньках вместе с лавочкой.

Мне порядком надоел этот цирк.

Я помчался за ним.

В два прыжка нагнав бегущую лавку, я с размаху сел на неё, надёжно прижав пацана к земле.

– Ну, да, я бандит, – зловеще прошипел я, нагнувшись. – Поэтому тебе лучше со мной дружить.

– Почему? – спросил еле живой от страха Прохор.

– Потому что друзей бояться не надо! Выходи!

– Нет.

– Вы-хо-ди! – Я ухватил его за ремень и попытался вытащить из-под лавки, но Прохор так вцепился в ножки, что я побоялся переломать ему кости.

Такого в моей педагогической практике ещё не было. Мне удавалось находить общий язык с отъявленными хулиганами, беспринципными отморозками, с патологическими отличниками и забитыми «ботаниками», но никто, никогда не забивался от меня под скамейку так, что я не мог его оттуда достать.

Прохор ставил меня в тупик.

– Тогда будем заниматься вместе с лавочкой! – разозлившись, заорал я, и, схватив мальчишку вместе с лавкой, потащил к бассейну.

Прохор укусил меня за ляжку. Я заорал, но добычу не выпустил. Поставив лавку посреди лужайки, я посмотрел на часы с секундомером и приказал:

– Три минуты лёгкой пробежки. Начали! – Я дал отмашку рукой.

Лавка медленно побежала по кругу, постепенно набирая скорость, но, не сходя с дистанции и не пытаясь удрать.

Это была маленькая победа.

– Отлично! – закричал я. – У тебя задатки легкоатлета! А теперь прыжки вверх, раз-два, раз-два, раз-два!

Лавка послушно запрыгала по зелёной травке.

О таком контакте я мечтать не мог! Я решил закрепить успех и усложнить задачу.

– А теперь прыжки в стороны с приседаниями!

Лавка запрыгала с приседаниями, чем очень меня удивила.

– А теперь вот так! – Я показал несколько отжиманий.

Лавка задумалась, но неумело отжалась, показав подошвы маленьких кед.

– Молодец!!! – не веря своему счастью, заорал я. – А теперь, уважаемая скамейка, будьте добры, сделайте вот так! – Подпрыгивая, я стал боксировать воздух. Чтобы сделать это упражнение, нужно было встать на ноги. Лавка опять задумалась.

– Раз! Два! – прыгал я, хотя ноги после вчерашней драки нестерпимо болели. – Хоп! Хоп! – пытался заразить я Прохора своим спортивным задором.

Лавка вдруг издала неприличный звук и спросила:

– В туалет можно?

Я растерялся.

Он пытается меня обдурить и удрать с тренировки, или у парня действительно проблемы с пищеварением? В любом случае, не отпустить его я не мог.

– Иди, – махнул я рукой. – Только панцирь сними, а то на унитаза не поместишься.

Прохор выскочил из-под лавочки и побежал в дом.

Я сел на «панцирь» и мысленно закурил, Я давно избавился от этой вредной привычки, поэтому курить позволял себе только в фантазиях. Такими темпами я пацана ничему не обучу. Чего доброго он ещё по дому вздумает ходить под лавочкой.

Если честно, я не думал, что Прохор вернётся, но минут через пять он прибежал. Увидев, что лавка занята, пацан метнулся к кустам.

– Стоять! – заорал я, вскакивая.

Он замер, втянув голову в плечи.

– Не мужски это – жить под лавочкой, – как можно мягче объяснил я ему.

– А что по мужски?! Морды бить и насиловать?!

– Да кого я насирую, идиот?! – не сдержался я. – Где?! Куда?! – От ярости меня затрясло и, кажется, я не очень этично сформулировал последний вопрос...

– Всех! Везде! Вас весь город боится, я по телику видел!

– Ну, раз меня весь город боится, то и тебя будут бояться! Я научу тебя жить без страха!

– Правда?.. – Он первый раз посмотрел мне в глаза. – Правда, меня будут бояться?!

– Уважать точно будут. Но для этого нужно перестать от меня бегать и начать тренировки.

– Хорошо, – вдруг сказал Прохор. – Я буду тебя слушаться. Только ты должен честно отвечать на мои вопросы.

– Какие?

– Что такое секс?

– Это остров в мировом океане, – не моргнув, соврал я. – Но тебе туда ещё рано.

– Ясно, – кивнул Прохор и вдруг быстро разделся до трусов.

– Ты чего? – удивился я. Мальчик умел ставить в тупик.

– Ты же того... плавать меня будешь учить?

– Плавать, так плавать! – У меня отлегло от сердца. – Только не в этой стоячей луже, – кивнул я на бассейн и, подхватив его одежку, направился к лестнице, ведущей к личному пляжу Громовых.

Прохор пошёл за мной, осторожно соблюдая дистанцию.

Пляж оказался огромным, с чистым, мелким раскалённым песком.

Я разделся и с разбегу плюхнулся в тёплую прозрачную воду, предоставив Прохору самому решать, следовать за мной, или нет.

Он помаялся на берегу и всё же повторил мой манёвр. Упав в воду с разбегу, Прохор, судя по пузырям на поверхности, немедленно начал тонуть. Я схватил его за подмышки, вытащил и хорошенько встряхнул.

– Как водичка? – поинтересовался я.

– Как всегда, ни хрена не держит, – пробормотал Прохор, отплёвываясь.

Я хотел сказать, что выражение «ни хрена» не украшает десятилетнего мальчика, но передумал. В его случае за грубость и невоспитанность нужно только хвалить.

– С водой надо подружиться, – пояснил я и показал пару нехитрых приёмов, как удержаться на воде.

Через полчаса мальчишка довольно сносно плавал на мелководье. Он позволял поддерживать его за подбородок и исправно сучил ногами, не давая себе пойти на дно.

– Молодец! – похвалил я. – Видишь, как иногда полезно вылезать из-под лавочки!

Он вышел на берег уставший, но очень довольный. Плюхнулся на песок, подставив солнцу худую бледную спину, на которой лопатки торчали как крылышки. Я лёг рядом, ощутив к пацану какое-то незнакомое, трогательное чувство жалости и желания защитить.

– Ты умеешь строить песочные замки? – поддавшись порыву, спросил я, хотя сам никогда ничего из песка не строил, считая это занятие слюнтяйством и пустой тратой времени.

– А чего их строить-то? Всё равно развалятся через пять минут.

Я одобрительно похлопал его по плечу. Он весь сжался, но в ответ тоже похлопал меня по бицепсу. Потом совсем осмелел и начал щупать мои мышцы на руках, на ногах, на груди...

– А я совсем даже не в туалет ходил, – признался он.

– А куда?

– Я сбежать хотел. На чердак.

– А чего не сбежал?

– На чердаке спят летучие мыши. Я выбирал, выбирал между тобой и мышами, и...

– Выбрал меня?

– Да.

– Что ж, выбор не в мою пользу. Выходит, безобидные твари страшнее меня?

– Выходит так.

Я швырнул в него горсть песка. Он хихикнул и тоже швырнул – не очень уверенно, исподтишка. Через минуту мы катались возле воды, сцепившись в шутиливой драке. Прохор от души дубасил меня кулаками, а я, стиснув зубы от боли, так как вчерашние ссадины и кровоподтёки болели, поздравлял себя с первым успехом.

Наконец, Прохор устал.

– К завтрашнему дню я не разучусь плавать? – поинтересовался он, присаживаясь рядом со мной.

– Я думаю, нет. Все, кого я учил плавать, плавают до сих пор.

– Здорово! А летучие мыши кусаются?

– Не знаю. Надо проверить.

– Ка-а-ак?!

– Залезем на чердак, и ты посадишь на меня летучую мышь. Если она меня цапнет, значит, кусается.

– И ты не боишься?! – От удивления у него очки съехали на кончик носа.

– Нет. Я ничего не боюсь, кроме голода.

– И когда маленький был, тоже ничего кроме голода не боялся?

– Ну, нет, когда я был маленький, я боялся толстых тёток, котлет с мухами, кнопок в лифте, тапочек в ванной, похоронных процессий, портретов полководцев, учебников анатомии, аквариумных рыбок и автоответчика, – сказал я чистую правду.

– И после этого ты называешь меня трусом?!

– Да. Потому что сам хорошо знаю, что такое бояться каждого колебания воздуха.

– И плавать ты не умел?

– В твоём возрасте я умел только играть на скрипке, – опять сказал я чистую правду.

– Вот ни фиги себе! А я на контрабасе играю! Вернее, играл. После того, как я переболел ветрянкой, я забыл, как на нём играть.

Я заржал. История с контрабасом и ветрянкой мне понравилась.

– А кто тебя всему научил? – спросил Прохор.

- Улица.
- Улица научить не может, ей за это не платят.
- Значит, сам научился. Мне надоело быть вечно битым, и я начал давать сдачи.
- Здорово. А про секс ты мне всё наврал. Это не остров, это болезнь. Ей Настя болеет, сестра моя.

- Я никогда не вру. Это Настя врёт.
- Когда можно посадить на тебя летучую мышь?
- В любое удобное для тебя время.
- Ура! – Он постучал меня кулаком по плечу.
- Ура! – откликнулся я.

Мы ещё раз искупались, снова помутузили друг друга на песке и легли загорать.
«Не работа, а удовольствие», – подумалось мне.

- Прося! – слышался крик кухарки. – Обедать, а потом с папой гулять!
- Я пошёл, – вскочил Прохор. – Папка обещал меня в дельфинарий свозить!

Он побежал к Марии, а я вдруг почувствовал лёгкий укол ревности. Какой бы близкий контакт я не установил с мальчишкой, он никогда не бросится ко мне так, как бросился «гулять с папкой».

- Глеб! – вдруг окликнул меня с лестницы Прохор.
- Что?! – обернулся я.
- Ты парень что надо!
- А я что тебе говорил?!

Он убежал, а я пошёл плавать – бесконечно долго и бесконечно далеко.

Удовольствие, а не работа, думалось мне, и я тосковал, тосковал по Элке и по своей прошлой жизни, где я был простым учителем, а она амбициозной журналисткой, где мы пили кофе на тесной кухне, спали под одним одеялом, насмерть ссорились и бурно мирились, мечтали о будущем и вместе гуляли собаку...

«Элка! – мысленно звал я ту, прежнюю Элку, – незазнавшуюся, незабронзоввшую Беду. И куда всё ушло, куда пропало? Кофе, тесная кухня, общее одеяло, прогулки с собакой?!

Неужели слава и деньги способны лишить всех этих счастливых маленьких радостей? Почему для её бешеной славы не подходит наш старый диван? Почему её деньги не дают нам болтать вечерами на кухне и сидеть подолгу в обнимку?

Почему её успех заставляет меня быть фальшивым, лживым, приглаженным, пресным и безупречно одетым?!

Почему я не могу говорить, что хочу, ругаться и ржать, когда захочу?! Почему...

Любовь уходит, когда заканчивается свобода.

Я не ревную Беду ни к деньгам, ни к славе, ни к успеху, ни к её сумасшедшим поклонникам. Просто я мечтаю хоть одним глазком взглянуть на ту прежнюю Элку – весёлую, бесшабашную, плюющую на все условности, свободную как ветер в поле, в простых джинсах и без бриллиантов на каждом втором сантиметре тела.

Я хочу, чтобы та Элка меня любила, и мы шли, взявшись за руки, неизвестно куда...

* * *

Две недели пролетели незаметно.

Я каждый день занимался с Прохором, и мы добились больших успехов. С каждым занятием мальчишка становился всё смелее и раскованнее, приобретая замашки нормального десятилетнего пацана. Кроме плавания, я обучал его приёмам рукопашного боя и тому, что в школе называется ОБЖ – основам безопасности жизнедеятельности. Под этим скучным названием скрывались довольно интересные вещи – умение разводить костёр, знание

приёмов оказания первой помощи, ориентирование в пространстве и ещё много чего. Но главное, я учил Прохора ничего не бояться, не теряться и смело смотреть жизни в глаза.

Успехи пацан делал колоссальные. Несмотря на его внешнюю хлипкость, Прохор оказался очень выносливым и сильным ребёнком. Всё, ну, или почти всё, что я с великим трудом постигал в десантуре, он осваивал с ловкостью и быстротой маленькой обезьянки.

В один прекрасный день я решил, что неплохо бы было обучить парня основам вождения автомобиля, а также показать устройство мотора. Согласовав этот вопрос с Иrmой Андреевной, я взялся за дело. Для начала нужно было объяснить Прохору «анатомию» машины. В качестве учебного пособия я взял свою старушенцию – двадцать первую «Волгу».

– Ты бы мне ещё телегу показал, – фыркнул Прохор. – Это не машина, а унитаз на колёсах!

– Что бы ты понимал в автомобилях! – возмутился я. – Двадцать первая «Волга» – лучшая из всех «Волг»!

– Вот у папки – машина!!! «Гелендваген»! Может, на ней погоняем?

– Думаю, что твой папка не сильно обрадуется, если мы погоняем на его тачке.

Я как в воду глядел. После беглого осмотра мотора и других внутренностей, Прохор попросился за руль, заявив, что он всё понял и всё умеет. Не увидев причин, чтобы ему отказать, я опрометчиво согласился.

Мальчишка стартанул с места, без труда справившись с жёстким сцеплением и тугой ручкой передач.

Я сидел рядом, на пассажирском сиденье, но не успел и глазом моргнуть, как моя старушенция, сделав рывок, пролетела над газоном, перескочила через невысокий бортик бассейна и нырнула в бирюзовую гладь воды.

Мы начали медленно погружаться на дно.

– Ой! – сказал Прохор, и, бросив руль, в панике полез на заднее сиденье.

Я схватил его за воротник и вернул на место.

– Капитан не должен оставлять свой корабль. Почему ты не тормозил?

– Я тормозил. Газом...

– Ясно. Так и запишем – тормозил как блондинка!

– Глее-е-еб! – заорал Прохор. Он попытался открыть дверь, но не смог, её плотно прижимала вода.

– Спокойно. Изучаем способ выживания в подобной ситуации. Как ты думаешь, что нужно делать?!

– Рыб кормить! – попытался сострить пацан и с перепугу шарахнулся со всего маху башкой в лобовое стекло, пытаясь выбить его. На лбу у него мгновенно набухла большая шишка.

Я видел, как из дома к бассейну бегут Ирма, Никас, Арно и кухарка. Все что-то громко орали, интенсивно размахивая руками.

Вода проникала в салон во все щели, постепенно заполняя его.

– А! – крикнул Прохор, округлившимися глазами глядя, как «Волга» всё больше и больше уходит под воду. – А-а!

Арно с Никасом хотели сигануть в воду, чтобы спасти нас, но Ирма Андреевна властным жестом остановила их.

– Что делать-то? – жалобно спросил Прохор.

– Выхода два, – нарочито спокойно ответил я. – Первый – запаниковать и утонуть. Второй – сохраняя полное самообладание, выбраться из машины, соблюдая правила, которые существуют на этот случай.

– Да говори быстрее, какие там правила, Глеб! А то я сейчас... описуюсь.

– Писайся. В данных условиях этого никто не заметит.

– Глеб! Хватит меня воспитывать! Я спокоен! Я не паникую! Я смело смотрю опасности в глаза! Но у меня нет ни одной жабры, Глеб, и я не умею дышать под водой! Что там говорят твои правила?!!

– Открывай окно, – приказал я, и сам открыл со своей стороны окно.

Вода хлынула в салон сильным, весёлым потоком.

– Ясно, ты решил меня утопить на глазах родителей и прислуги, – всхлипнул Прохор, но всё же повторил мои действия.

– Набери побольше воздуха в грудь, и когда вода заполнит салон, выбирайся в окно и выныривай на поверхность, – приказал я.

Он всё так и сделал. Я совсем немного помог ему, когда он барахтался как лягушонок, протискиваясь в оконный проём.

– Класс! – вынырнув, заявил Прохор. – Хорошо, что я тормозил как блондинка!

На берегу нас встретили аплодисментами.

– Это входит в программу ваших тренировок, Глеб Сергеевич? – весело уточнила Ирма Андреевна.

– Конечно, – заверил я. – Прохор должен знать, как вести себя в любой экстремальной ситуации.

Ирма по-королевски кивнула и пошла в дом. Арно и кухарка потащились за ней, словно верная свита.

– Спасибо, что не на моей машине нырнули, – подошёл к нам Никас.

– Я хотел! – похвастался Прохор. – Но Глеб не дал. Он сказал, что твой «Гелендваген» плохая машина, и ездить нужно только на «Волгах»!

– Ладно, я распоряжусь, чтобы вашу хорошую машину выудили из бассейна и просушили на солнце. Впрочем, лучше сразу отправить её на свалку, – усмехнулся Никас. Сегодня он был во всём чёрном, а длинные светлые волосы стягивала в хвост красная резинка. – А пока вот, – Никас протянул мне ключи. – Если понадобится, берите в гараже зелёный «Вольво», на нём всё равно никто не ездит. Только, пожалуйста, не пускайте больше Прохора за руль!

– Спасибо, – искренне поблагодарил я, забирая ключи.

– Сын, переодевайся, мы поедем с тобой в дельфинарий, – распорядился папаша.

– Ур-ра! – заорал Прохор.

Он радостно побежал в дом, а я вдруг с раздражением подумал, что у Никаса входит в привычку прерывать наши занятия.

– Вечером, когда стемнеет, займёмся ночным ориентированием! – крикнул я в спину Прохору. Кажется, он меня не услышал...

– Бросил бы ты это дело, – хмыкнул Никас. – Дельфины – вот что нужно моему сыну. Дельфины помогают развиваться ненормальным детям!

– Прохор нормальный ребёнок, – отрезал я и пошёл в свой домик.

Я полюбил свою конуру, полюбил комфорт, который меня окружал, полюбил приятные часы безделья, когда я варил крепкий кофе, принимал душ, смотрел телевизор, читал автомобильные журналы и... думал, думал об Элке.

О прошлой Элке, о настоящей и будущей, к которой, скорее всего, я не буду иметь отношения, ведь она при заключении брака даже фамилию мою не взяла... Я чувствовал, что в жизни нужно что-то менять, но – что, как, в какую сторону, понятия не имел. Между тем, этот город и эта работа были лишь перевалочной базой, временным пристанищем, возможностью немного придти в себя и оглядеться, чтобы идти дальше. Осенью Прохор пойдёт

в школу – непременно пойдёт, я уверен, что домашнему обучению будет положен конец! – а я...

Снова ткну фломастером в карту и поеду учиться жить без Беды?!

С этими грустными мыслями я в тот вечер сварил себе кофе, сделал тосты и завалился смотреть автомобильные гонки по кабельному каналу. Не прошло и минуты, как вырубился свет.

Я встал, подошёл к окну. На территории дома не горело ни одной лампочки, значит, это была авария на подстанции. Подсвечивая себе мобильником, я спустился на первый этаж и вышел на улицу.

Ночь была чудная.

Впрочем, здесь все ночи были чудные. Совсем рядом шумело, дышало море. Я слышал его могучее шевеление, ощущал мощное присутствие. В окнах хозяйского дома замелькали огоньки свечей, наверное, перебои с электричеством в доме Громовых происходили регулярно, и свечи всегда находились под рукой. Где-то далеко послышался мелодичный смех Ирмы Андреевны и звонкий голос Никаса. Я хотел вернуться в свою конуру, но вдруг услышал душераздирающие крики со стороны пляжа. Крики нарастали, захлёбывались и опять нарастали, словно кто-то зажимал орущему рот, а потом отпускал.

Я бросился к калитке. Без электричества искать нужную кнопку, чтобы открыть её было долго и бессмысленно, поэтому я перемахнул через двухметровый забор и помчался вниз по лестнице, к пляжу.

Крики то стихали, то снова возобновлялись, приводя мою психику в полный раздраз.

– Эй! – забежав по колено в воду, закричал я. – Эй, кто здесь?!

– По-ом! Гите!

Следовало сделать вывод, что нужно кому-то помочь, но на пляже была тьма-тьмушая, и я ничего не видел. Впрочем, крики неслись со стороны моря, в этом не было никаких сомнений, поэтому я скинул одежду и поплыл примерно в том направлении, откуда орали.

Вопли неожиданно прекратились. Повисла тишина, которую не нарушал даже плеск волн. Я растерялся. Похоже, спасать уже некого... Я нырнул, и на всякий случай проплыл под водой несколько метров. Это было правильное решение, потому что я наткнулся на обмякшее тело. Схватив тело за волосы, я вытащил его на поверхность. Даже в темноте я узнал Настю. Несмотря на обилие кругом воды и свежие дуновения ветра, от девчонки сильно несло алкоголем. Придерживая её согнутой рукой за подбородок, я поплыл к берегу, где уже толпились все обитатели дома.

– Что случилось? – крикнула Ирма Андреевна.

Дыхалка у меня совсем сбилась, поэтому я не ответил. Просто молча вытащил Настю на берег и быстро начал реанимацию, вытряхивая из неё литры морской воды. Я делал искусственное дыхание и... молился, чтобы всё обошлось.

– «Скорую»! – крикнул кто-то.

Начались беготня и суетливые советы мне под руку, на которые я старался не обращать внимания.

– Она жива? – наклонилась ко мне Ирма.

– Точно могу сказать только одно – она пьяна, – ответил я, толчками в грудь выталкивая из лёгких великой соблазнительницы очередную порцию воды.

– Идиотка, – пробормотал подошедший Никас. – Я и раньше замечал, что она любит купаться пьяной.

– И в одежде? – уточнил я. На девчонке была короткая юбка, топик и босоножки. – Она всегда, когда купалась пьяной, не раздевалась? – повторил я вопрос.

– Н-не знаю, – вдруг попятился Никас. – Почему ты меня спрашиваешь? Я ей не нянька!

– Ой, да ладно вам, – отмахнулась Ирма Андреевна. – Разве можно искать логику в поступках пьяной девчонки? Эй! – Она похлопала Настю по щеке. – Ты меня слышишь? – Настя замычала и отвернулась, словно не желая никого видеть.

В поведении Ирмы не было ни паники, ни страха за дочь, и это меня удивило.

«Скорая» приехала быстро.

– Жить будет, – диагностировал врач и крепко пожал мне руку, поблагодарив за «грамотные действия».

– Когда-то я работал спасателем на пляже, поэтому знаю, как это делать, – объяснил я.

Когда Настю погрузили на носилки, она вдруг открыла глаза.

– Он! – прошептала она, указав на меня пальцем. – Он меня бросил! Он меня бросил, а я без него жить не могу! Я люблю его! Я всё равно утоплюсь, если он ко мне не вернётся! – Она потеряла сознание. Носилки втокнули в «Скорую» как пирожок в печку.

– Это неправда, – обалдев от такой наглости и неблагодарности, пробормотал я. – Она врёт!

– Предупреждал я тебя! – ткнув меня в бок, шепнул на ухо мне Арно. – Не надо было спасать её!

– Не надо было, – согласился я, чувствуя себя идиотом.

– Видела, видела, как он совращал девчонку, – всхлипнула кухарка, утирая передником слёзы.

– Да ты не промах, дружище! – хлопнул вдруг меня по плечу Никас.

– Между мной и Настей ничего не было, и быть не могло, – процедил я. Оправдываться было мерзко и унижительно, но молчать я не мог. – Настя сама набросилась на меня на кухне! Я булки ел, а она разлила мой кофе, сняла халат и набросилась! – сорвался я на крик. – Ещё скажите, что она от меня беременна! – Зря я это сказал, но нервы мои после разрыва с Бедой были на пределе, а мозги вообще рассосались...

– Замолчите, – холодно сказала Ирма Андреевна. – И запомните все! Не смейте приплетать Глеба Сергеевича к склочным замашкам моей дочери! Глеб любит свою жену и никогда не пойдёт на глупые, пустые интрижки.

Ирма резко развернулась и с прямой спиной начала подниматься по крутой лестнице, ведущей к дому. Никас и кухарка, словно свита, последовали за ней.

– Тебе повезло, приятель, – похлопал меня по плечу Арно. – Никому не удавалось заполучить такое расположение хозяйки! Вот что значит засветиться в журнале «Бэлль»! – Он ещё раз долбанул мне в ключицу и присоединился к свите Ирмы Андреевны.

Неожиданно вспыхнули фонари, фантастическим светом осветив пляж, море и дом. Я огляделся, увидел свою одежду и понял, что до сих пор стою в плавках. На песке отчётливо виднелись следы тонких женских каблучков, ведущих к морю, а у воды валялся клочок бумаги. Я поднял его, развернул и прочитал корявые строчки: «В моей смерти винить Глеба Сазонова».

– Чёрт! – Быстро одевшись, я сунул записку в карман джинсов, с ужасом думая, что было бы, если бы Настя утонула, а на берегу нашли это послание.

– Что, Настька не доплыла до острова Секс? – послышался ехидный голос Прохора из кабинки для переодевания.

– Не доплыла, – пробормотал я, но, опомнившись, строго спросил: – Почему ты не спишь?

– Свет вырубился, Настька тонет, разве поспишь тут? Что за бумажку ты подобрал? – Прохор вышел из кабинки.

– Мусор, – равнодушно ответил я.

– У нас на пляже мусора не бывает. Это записка?

– Да с чего ты взял!

– Я видел, как ты читал.

– Не читал, а смотрел.

– Настя всегда оставляет записки, когда приканчивает себя.

– И... а... – Я потерял дар речи. – Твоя сестрица часто занимается самоубийством?

– Бывает, – вздохнул Прохор. – Она влюбчивая очень. То в охранника влюбится, то в электрика, то в шофёра. Их из-за этого увольняют, а Настя то травится, то вешается, то вены режет. Потом помирает и орёт: «Помогите! Помогите!»

– Ясно, – кивнул я. – А топится она первый раз?

– Первый. Она ж плавает как рыба, чего ей топиться-то?

– А в записках что пишет?

– Не знаю. Мне не читали. Но я думаю, что-нибудь плохое, потому что после этих записок всех ругают, увольняют и денег не платят. Если Настя в тебя влюбится, то тебя тоже поругают и уволят! А я не хочу... – Он вдруг схватил меня за ногу и щекой прижался к бедру. Я почувствовал, что в горле запершило. Меня вдруг потянуло погладить Прохора по голове, чего в моей педагогической практике никогда не случалось.

– Меня не поругают и не уволят, – успокоил я пацана. – Я ж не электрик.

– Ты обещал мне урок ночного ориентирования! – вспомнил Прохор. – Поехали!!

– Куда?! – удивился я.

– Куда глаза глядят!

– А поехали! – вдруг согласился я. – Прошвырнёмся немного на папином «Вольво» и к полуночи дома будем.

Он радостно завизжал и повис у меня на ноге.

– Мужики так не пищат, – отрывая Прохора от себя, сказал я.

– За руль непустишь? – в десятый раз спросил меня Прохор.

– Ни в коем случае. У твоего папаши машин не хватит, чтобы я каждый раз тебя за руль пускал, – ответил я тоже в десятый раз.

– Папка богатый. Вернее, это мамка богатая, а папка с ней за компанию.

Я с грустью подумал, что тоже богат «за компанию» с Бедой, и что ничего хорошего такое богатство не приносит...

– А чем занимается твоя мама?

– Она гостиницы строит. А ещё театры и санатории. И дельфинарий тоже она построила!

– Здорово. Строительный бизнес, пожалуй, самый лучший на свете. Ты тоже будешь строителем?

– Нет! Я буду как ты, домашним любимцем. Сильным, смелым, огромным и добрым. Я буду учить детей тонуть в двадцать первых «Волгах»!

У меня опять запершило в горле от нахлынувших чувств, и я всё же погладил Прохора по светловолосому затылку. Если так дальше дело пойдёт, то я начну целовать его в щёчки, называть Просей и пускать слезу при расставании с ним.

Смутившись от своих чувств, я втопил педаль газа в пол и тут заметил, что мы мчимся по тому участку шоссе, где находится кафе «Аллигатор».

– По шашлычку вдарим? – подмигнул я Прохору.

– Мама говорит, что есть на ночь вредно.

– Вредно не есть, – непедagogично заметил я.

– Тогда вдарим по шашлычку на ночь! – радостно закричал Прохор. – Так вдарим, что аж слюни до пояса потекут!

В это позднее время парковка возле кафе оказалась почти свободна. Я загнал «Вольво» в большой удобный карман, который находился почти напротив дверей заведения.

– Какие люди! – раскинув руки, радостно заорал Сом, увидев меня с мальчишкой. На нём был тот же высокий колпак и белый передник. Он сграбастал меня с Прохором в охапку и усадил за самый большой стол в центре зала. В кафе оказалось немногочисленно. Только несколько парней, по виду дальнбойщиков, ужинали за одним столом в глубине зала.

– Какими судьбами?! – продолжал греметь Сом раскатистым басом, кидая перед нами льняные салфетки, расставляя фужеры, раскладывая приборы и принося из кухни дымящиеся блюда. – И как вас к нам, медведям, занесло?!

– К аллигаторам! – захохотал я. – Вот, решил пацана прокатить с ветерком, смотрю вдруг, место что-то больно знакомое! Дай, думаю, загляну на огонёк к твоим Тане и Ване! А я смотрю, ты уже оправился после драки?

– Тенты новые купил, мебель поменял, стёкла вставил, – улыбнулся Сом, присаживаясь рядом со мной на стул. – А ещё в тренажёрный зал начал ходить! – Он напряг руку, показав внушительный бицепс.

– Значит, ребята на «Саабах» потеряли интерес к твоему заведению? – уточнил я.

– Сам удивляюсь! Думал, вернутся и камня на камне от кафе не оставят, но пока – тишина...

– Вспомнил! – заёрзал вдруг Прохор на стуле. – Вы тоже бандит! Вас по телевизору в этом фартуке показывали.

– У Прохора все, кого показывают по телевизору – бандиты, – объяснил я Сому.

– Твой? – кивнул он на мальчишку.

Я вдруг поймал себя на мысли, что мне очень хочется сказать «мой»...

– Воспитанник, – похлопал я по плечу Прохора.

– Ах, ты же педагог! – треснул себя по лбу Сом. – И чему же он тебя научил? – обратился он к Прохору.

– Многому. Я теперь ничего не боюсь.

– Так уж и ничего! Чем докажешь? – захохотал Сом.

– Могу с крыши прыгнуть, могу нырнуть, могу проплыть, могу... – Неожиданно пацан сорвался с места, разбежался, нырнул в бассейн с крокодилами и... не вынырнул.

Мы с Аркадием не сразу поняли, что произошло.

– А... и...кх... я... забыл ему сказать, что там Та...а...ня и Ва... аня... – икнул я и бросился к водоёму.

Сом ломанулся за мной, сшибая столы и стулья.

Прохор сидел в бассейне, выпучив глаза и пуская изо рта тоненькую струйку пузырьков. Очки плавно покачивались у него на носу.

– А... – сказал Сом.

– У... – сказал я.

Парни дальнбойщики подскочили к нам и хором сказали «Ого!»

– Т-т-ты кормил их сегодня? – стуча зубами, спросил я у Сома.

– К-к-кого? – не понял Сом.

– Аллигаторов! – рявкнул я.

– Я всех кормил. А крокодилов – не помню.

У Прохора волосы в воде встали дыбом, а пузыри пошли из самых неожиданных мест. Дальнбойщики бросились снимать происходящее на камеры мобильных телефонов.

– Молодец, пацан, – похвалил Сом Прохора. – Главное, не двигаться.

– У него воздух скоро закончится... – Я лихорадочно соображал, что же делать. Если ринуться в воду, крокодилы немедленно порвут всех – и меня и мальчишку. Если бездействовать ещё пару секунд, у ребёнка кончится воздух, он шевельнётся и...

У меня вдруг нарисовалась отчётливая картинка, что будет, если Прохор зашевелится. От ужаса я почувствовал, как волосы на ногах встали дыбом.

– Тащи барану, – приказал я Сому.

– Какую барану? – перестал соображать повар.

– Эту... из шашлыка... То есть, наоборот. Будем крокодилов насильно кормить.

Сом, наконец, всё понял, метнулся на кухню и примчался обратно с целой бараньей тушей.

– Может, они ручные? – кивнул я на аллигаторов, которые всем своим видом показывали готовность к броску.

– Не знаю... не приручал... Вообще-то, у них цепи на лапах, но пацану это вряд ли поможет.

Я выхватил у него барана и сунул его в бассейн.

– Кыс-кыс, – плохо соображая, позвал я крокодилов, но они не обратили на меня никакого внимания, сверля глазами маленького, беззащитного Прохора, у которого заканчивался кислород. Даже пузырьки перестали идти из него на поверхность.

– Утю-тю! – прошептал я, хорошенько перемешав воду в бассейне, бараньей тушей.

Крокодилы стремительно бросились на барана, а Прохор пробкой вылетел из бассейна, приземлившись возле стола и обрызгав всех присутствующих зелёной водой.

Аллигаторы рвали тушу на части, ломали кости, крушили и кромсали на молекулы мясо, не оставляя от барашка ничего, кроме воспоминаний.

– Ты тупой, Глеб?! – возмущённо заорал Прохор. – Зачем ты полез со своим мясом?! Я же загипнотизировал их! Ещё немного и они встали бы на задние лапы!!

Дальнобойщики громко захлопали и вернулись к своим столам. Я почувствовал отчётливый приступ тошноты, словно забеременевшая барышня.

– Хи-хи, – глупо хихикнул Сом. – Хи!

Я подошёл к Прохору и зачем-то ощупал его мокрую одежку.

– Давай, мы про это маме не скажем, – заискивающе попросил я мальчишку.

– Мы папе про это скажем! – Он оттолкнул мою руку и салфеткой вытер лицо.

Сом притащил ворох полотенец, мы раздели пацана до трусов и вытерли его насухо, как он не сопротивлялся.

– Мне было не страшно! – вопил Прохор, позируя перед мобильниками парней, которые продолжали его снимать. – Они добрые, только сильно заброшенные. С ними просто нужно найти общий язык и регулярно заниматься!

– Что-то есть расхотелось, – пожаловался я Сому, когда мы сели за стол, на котором чего только не было – и шашлык, и салаты, и жареные куры, и огромные крабы и даже большой ананас.

– И у меня аппетит пропал, – кивнул Сом.

– А я бы пожра-а-а-ал! – протянул Прохор, вцепившись в куриную ногу и хватая кружку с пивом.

– Эй! – в один голос завопили мы с Аркадием, вырывая у Прохора пиво.

– Распоясался, – покачал я головой.

– Твоё воспитаньеце, – проворчал Сом.

– Моё, – кивнул я, неожиданно чувствуя гордость.

– Скоро в космос полетим, – обнадёжил нас Прохор. – Я готов!

– Вы только Байконур из моего кафе не делайте, – попросил Сом. – А то убытков не оберёшься.

Мы все втроём громко расхохотались, снимая этим хохотом стресс, страх, и закрепляя мужское братство.

Аппетит всё же вернулся, и скоро от еды ничего не осталось.

Домой мы с Прохором вернулись далеко за полночь, но этого никто не заметил. Весь дом спал, ни одно окно не светилось. Я почувствовал сильные угрызения совести, потому

что понял, насколько мне доверяет Ирма Андреевна. За весь вечер она ни разу не позволила мне на мобильник, не уточнила, где Прохор, чем мы занимаемся и во сколько вернёмся домой.

Чтобы никого не будить, я уложил пацана в своей крошечной спальне, а сам отправился вниз на кухню, где глушил до утра кофе, переваривая события прошедшего дня.

Утром меня вызвала Ирма Андреевна.

Она ждала меня в кабинете, большую часть которого занимали огромные стеллажи со специальной строительной литературой.

– Весь город судачит о том, что мой Прохор сидел вчера в воде с крокодилами в какой-то забегаловке! – сказала она, отпивая маленькими глотками кофе. – Говорят, что даже в «Новостях» показывали кадры, снятые с мобильного телефона!

У меня похолодело внутри.

– М-м... а-а... ну... – невнятно ответил я. – Да, были крокодильчики, ма-аленькие такие, Таня и Ваня...

– Это входит в программу вашего обучения? – поинтересовалась Ирма.

– Конечно! – с излишней горячностью заверил я её.

– А крокодилы, естественно, были ручными и милыми?!

– Конечно! Очень ручными! И очень милыми! – Я готов был сквозь пол провалиться. Ирма Андреевна, сама того не ведая, подсказывала мне ответы на свои трудные вопросы.

Ирма вдруг отставила чашку кофе, подошла ко мне, и, схватив мою руку, горячо пожала её.

– Я вам так благодарна! – прошептала она со слезами на глазах. – Так благодарна! Вы волшебник! Вы лучший воспитатель на свете!!! Мой мальчик на глазах изменился за такой короткий срок! Он перестал бояться, он рвётся в бой, он...

Этой искренней благодарности я не заслужил, и поэтому не мог её вынести. Мои уши запульсировали, наливаясь краской. Я вырвал свою ладонь из её холёных, прохладных рук, упал на стул, и, обхватив руками голову, начал раскачиваться из стороны в сторону.

– Что с вами? – удивилась хозяйка.

– Вы должны немедленно уволить меня!

– Опять – старая песня! Почему я должна увольнять лучшего воспитателя в мире?!

– Да потому что... – Я оторвал руки от головы и посмотрел ей в глаза. – Да потому что крокодилы не могут быть ручными и милыми! Таня и Ваня – это свирепые аллигаторы, которые жрут всё, что шевелится! А Прохор... Прохор плюхнулся в бассейн вовсе не в рамках моей воспитательной программы, а по моему недосмотру и халатному отношению к своим обязанностям! Я на ночь глядя потащил ребёнка кататься на машине, заехал в кафе к приятелю и... Увольте меня! – заорал я, чувствуя, что готов плюхнуться на колени. – Немедленно увольте, или я сам уволюсь!

– Свирепые аллигаторы, которые жрут всё, что шевелится... – заморожено повторила Ирма Андреевна. – И... мой Прохор сам прыгнул к крокодилам в бассейн?!

– Прыгнул...

– И он не умер от страха?

– Не умер и даже попытался дрессировать их. А потом он чуть не выпил пиво из моей кружки.

– Выдрать его, что ли? – слегка наклонившись, Ирма заглянула мне в лицо. В её тёмных зрачках плясали весёлые черти. – Взять большой толстый ремень и выдрать, как настоящего хулигана?! За пиво! За ночные прогулки! За крокодилов! За... – Она захохотала и стремительно подошла к окну.

– Лучше меня выдерите, – тихо сказал я. – Я же говорю вам: я, я, я во всём виноват!!

– Надо же, – словно не слыша меня, пробормотала Ирма Андреевна, – Прохор сам прыгнул в воду, где сидели самые настоящие аллигаторы! – Заломив руки, она в большом волнении прошлась по комнате. – Моего Прохора показали по телевизору как дерзкого, непослушного, смелого мальчика! – Она снова громко захохотала.

– Увольте меня, – тупо повторил я.

– Что вы! – Подойдя к столу, Ирма Андреевна осмотрела меня с головы до ног, словно впервые увидела. – Что вы! Как я могу уволить гения?! Я вас заспиртую, и как особо ценный экспонат буду хранить вечно!

– Не надо меня хранить. Вы издеваетесь надо мной? Потешаетесь? Смеётесь?! – Я почувствовал, что начинаю злиться.

– Нет! – Она снова схватила меня за руку и заговорила так горячо и проникновенно, что нельзя было усомниться в её искренности. – Вы не представляете, что вы сделали! Прохору каких только диагнозов не ставили, вплоть до шизофрении и олигофрении. Я таскала его по врачам-психиатрам, но они только разводили руками и предлагали определить сына в психо-неврологический диспансер. Только я никому не верила! Я продолжала бороться. Я знала, что Прохор нормальный, знала, но никто мне не верил!!! А вы... вам удалось сделать невероятное! Вы растормошили моего сына, вытащили из него нормальное детское непослушание, здоровое любопытство и... даже хулиганство!! Вы гений! – Ирма вдруг наклонилась и поцеловала меня в лоб. – Хотела бы я, чтобы кадры с мобильного, попавшие на телевидение, увидел кто-нибудь из врачей, которые убеждали меня, что мой сын всю жизнь проживёт, забившись под стул! – Ирма засмеялась, и, как мне показалось, опять захотела поцеловать мой вспотевший лоб.

– Увольте меня! – отшатнулся я от неё. – Или я сам уволюсь. Вы сейчас находитесь в состоянии эйфории от того, что Прохор сильно изменился, но, поверьте, вы не представляете степень моей безответственности, когда я потащил мальчишку в...

– Закроем тему, – резко оборвала меня Ирма Андреевна. – Или вы продолжаете у меня работать, или я вас заспиртую.

– Хорошо. – Я встал и вытер о джинсы потные руки. Она так подавляла меня своей решимостью, что я не знал, чем ещё аргументировать свою профнепригодность. – Хорошо, я остаюсь. Но у меня есть условие. Мальчик многому научился, он справился со своими комплексами и страхами, поэтому ему нужно начинать контактировать с другими детьми.

– Вы думаете, он к этому готов? – Глаза у хозяйки засветились счастьем. – Мой Прохор готов общаться с детьми?! Они его не побьют?!

Я фыркнул вместо ответа.

– Что вы предлагаете? – Ирма закурила тонюсенькую сигаретку, от которой дым тонкой змейкой пополз вверх.

– Я предлагаю записать его в танцшколу.

– Танцы?! – уставилась она на меня. – Странная рекомендация, особенно от вас. По-моему, это не очень мужское занятие.

– Это очень даже мужское занятие! – возразил я. – Во-первых, занятия танцами научат Прохора так владеть своим телом, как его не научит этому ни один вид спорта. Во-вторых, движения под музыку благоприятно скажутся на его контакте с детьми. Вы же понимаете, когда дети танцуют, им не до ссор и склок! В-третьих, по-моему, у него есть способности. Он пластичный, гибкий, хорошо чувствует ритм. В-четвёртых, при всех моих талантах, я не смогу ему дать опыта общения со сверстниками! Прохору обязательно, непременно нужны контакты с детьми! Где он научится разговаривать с девочками? А мальчишки?! Должны же у него быть друзья детства, наконец!

– Да, да, да, да, – закивала Ирма Андреевна, выпуская через нос тонкую струйку дыма. – Господи, как вы правы! Как же вы правы... Сегодня же подберу лучшую танцшколу в городе! Я немедленно этим займусь!

– Занятия должны проходить не реже двух раз в неделю. Отвозить и привозить Прохора буду я.

– Да, да, да, это не обсуждается. Конечно, отвозить и привозить будете вы! – Она уже листала какие-то справочники, держала руку на телефоне и от нетерпения постукивала острым каблуком по паркету.

Я кивнул ей на прощанье, собираясь уйти, но чёрт меня дёрнул спросить:

– Как чувствует себя Настя?

– Настя?! – Ирма Андреевна оторвала глаза от телефонного справочника. На её лице промелькнуло такое недоумение, что мне показалось, она сейчас спросит: «Какая Настя?».

– Ах, Настя... – Хозяйка рассеянно помахала рукой перед носом, разгоняя сигаретный дым. – С ней всё хорошо. Завтра мою дочь выпишут из больницы, – сухо пояснила она.

Я вышел из кабинета в недоумении. Как можно так самоотверженно и преданно любить одного ребёнка, при этом оставаясь равнодушным к другому? Вот уж кого следовало бы потаскать по врачам-психиатрам, так это Муму...

Вечером позвонил дед.

Этого звонка я боялся больше всего. Сазона и Беду связывали очень тёплые отношения. Объяснить деду, почему я расстался с женой, было почти невозможно, учитывая, что он неважно слышал даже в слуховом аппарате.

– Сынку! – рявкнул Сазон. – Позови Элку, у меня для неё телефонограмма.

– Почему ты не позвонишь ей на мобильный? – проорал я, чтобы дед услышал меня с первого раза.

– Потому что я хочу позвонить тебе! – гаркнул дед.

– Чтобы поговорить с Элкой?

– Не поговорить, а передать телефонограмму! Что-то ты отупел, сынку! Позови Элку!

– Её нет.

– Она в ванной?

– Не знаю.

– Ты ещё и охренел, сынку. Как ты можешь не знать, в ванной твоя жена, или нет?!

– Мы с ней разошлись.

В трубке повисло молчание.

– Вы с ней – что?! Разгулялись не на шутку?! Набухались до чёртиков? Элка лежит под столом и – ни бе, ни ме, ни кукареку?

– Разошлись, дед, это значит не набухались, а решили пожить отдельно.

– Решили пожить отдельно, – задумчиво повторил дед. – От кого отдельно, сынку?!

– Друг от друга!

– Зачем?!

Отвечать на этот вопрос можно было бесконечно долго, но смысла в этом не было никакого. Неожиданно Сазон выдвинул свою версию:

– Она изменила, что ли, тебе, тюфяку?

– Нет, это я, тюфяк, изменил ей, – брякнул я.

– С кем?

– Вряд ли ты знаешь эту блондинку.

– Ты не мог изменить Элке. Она тебе могла, а ты нет!

– Это ещё почему? – оскорбился я.

– Потому что, таких как ты много, а таких как Элка больше нет! Она же полный шухер! Атас! После неё любая другая баба – просто резиновое изделие со штрихкодом Китая!

– Ну, ты, дед, загнул! – удивился я образному мышлению Сазона, которым он никогда не страдал.

– Позови Элку!

– Мы разбежались, дед, я не шучу.

– А что мне делать с телефонограммой?

– Попробуй позвонить Беде.

– Я звонил, у неё отключён телефон.

– Тогда передай свою телефонограмму мне, я тебе тоже вроде как не чужой.

– Тогда слушай. Мы разошлись с Кармен.

– Вот те на! – От неожиданности я сел прямо на пол.

Кармен – молодая жена Сазона, была преданной, мягкой, любящей, заботливой и хозяйственной женщиной. В ней, правда, бурлили иногда испанские крови, и она запросто могла приревновать деда к Дженнифер Лопес или ещё какой-нибудь шоу-звезде, мелькающей на телеэкране в полуголом виде, но предположить, что Кармен выкинет какой-нибудь фортель в семейной жизни, было просто невозможно.

– В смысле вы набухались? – рискнул предположить я.

– Нет, в смысле решили пожить отдельно, – отрезал дед.

– Друг от друга?

– Нет, блин, от кошки Мурки!

– Она тебе, старому пню, изменила?

– Нет, это я, старый пень, изменил ей...

– С кем?!

– Вряд ли ты знаешь эту брюнетку.

– Вот и поговорили, – вздохнул я. – А как же дочка?

– А что дочка?! – заорал дед. – Я её с рук не спускаю! Дочке четыре года, у неё няньки, мамки, гувернантки, охранники и клоуны из цирка в качестве игрушек! Дашка живёт как принцесса и вниманием не обделена! А вот Кармен... куда-то свалила. Я хотел сказать Элке, что если к ней приедет моя жена, пусть она её домой гонит! Я жить без неё не могу. Все бабы против моей испанки – дырявые плоскодонки, у которых вместо мотора тухлый ботокс и гнилой силикон.

– Ну, дела-а... – протянул я. – Ты что, действительно думаешь, что Кармен поехала к Элке?

– А к кому ей ещё ехать-то? У неё в России, кроме Беды, близких друзей нет.

– А в Испании?

– Ты думаешь...

– Я думаю, не надо было тебе изменять гордой испанской женщине. Хорошо, что она тебя не зарезала!

– Она и так без ножа зарезала... И потом, сынку, я ж особо не изменял! Так, посмотрел на одну теледиву. С интересом.

– А я, если честно, даже и не смотрел ни на кого, кроме Элки...

Мы оба тяжело вздохнули.

– Сынку, позови Элку!

– Нет Элки.

– И Кармен нет.

Мы опять помолчали и повздыхали.

– Сынку, у тебя получается жить без Элки?

– Получается. Я много работаю, и мне некогда о ней думать.

- Разве можно работать, когда жизнь рушится?
- Кто сказал, что она рушится?
- Ты предлагаешь мне сходить на дискотеку? – язвительно поинтересовался дед.
- Предлагаю расслабиться и наслаждаться тем, что имеешь.
- Сынку, я столько имею, что расслабиться невозможно!
- Тьфу! – разозлился я. – Вернётся твоя Кармен, никуда не денется!

Я нажал на отбой, потому что Сазон начал нести бред о том, что если Кармен вернётся, он купит ей Испанию с королём, Средиземным морем и Атлантическим океаном...

Я нажал на отбой и с грустью подумал о том, что Элке Испании, короля, моря и океана будет мало, ей понадобится весь земной шар с прилегающими к нему галактиками.

С понедельника я начал возить Прохора в танцшколу.

Не скажу, чтобы он испытал восторг, узнав, что ему придётся учиться танцевать, но я, как мог, объяснил ему, что настоящий мужик должен уметь не только бить морды и пугать крокодилов, но и красиво двигаться.

– Станцуй! – приказал мне Прохор.

Я не умел танцевать, но пришлось выкручиваться, и я, хлопнув себя по ляжкам, дал гапак... Танец окончился неудачно, я сшиб стул, стол, тумбочку, и упал.

– Да-а-а, – протянул Прохор. – Танцор из тебя не очень. Может, и я обойдусь без балета?

– А девчонки?! – горячо возразил я, поднимаясь с пола и расставляя по местам мебель. – Где ещё можно познакомиться с симпатичными девчонками, как не в танцклассе?!

– Нигде, – согласился Прохор, и, вытянув шею, оценивающе посмотрел на себя в зеркало, висевшее на стене. – Ты думаешь, я могу понравиться какой-нибудь девчонке?

– А почему нет? Тем более после того, как тебя показали в «Новостях» с крокодилами! – ляпнул я, не подумав.

– Ага, значит, просто так, без крокодилов и «Новостей», у меня шансов нет, – погрузился пацан.

– Знаешь, что я тебе скажу? – Я взял его за плечи и легонько встряхнул. – Настоящий мужик не должен думать, нравится он или нет. Настоящий мужик должен просто хорошо делать любое дело, за которое берётся.

– Ух, ты! – восхитился моему объяснению Прохор и вдруг без всякого перехода спросил: – А что такое сексимвол?

– А... ну... хм!

– Житель острова Секс?

– Мёртвый житель! – опять ляпнул я, не подумав.

– Ух, ты! – снова восхитился моему объяснению Прохор. – Кто его умертвил?

– Слушай, – взмолился я. – Отстань ты от меня с этим островом! Что я тебе, географ, что ли?

Первое занятие танцами привело Прохора в полный восторг. Никаких трудностей общения со сверстниками он не испытал. А я испытал гордость, потому что в этом были мои заслуги. Да и визит в «Аллигатор» парня сильно раскрепостил...

– Ваш мальчик очень способный, – сказала мне после занятий улыбаясь учительница танцев Ирина Петровна. – У него только первый урок, а он уже делает большие успехи!

– Просто я всегда хорошо делаю любое дело, за которое берусь, – гордо заявил Прохор и, задрав подбородок, прошествовал на выход.

– В нём есть упорство, трудолюбие и уверенность в себе, – добавила Ирина Петровна. – Все девчонки захотели танцевать с ним в паре!

Я улыбнулся, вспомнив, как ещё несколько недель назад занимался с бегавшей лавочкой.

Жизнь вошла в спокойное, размеренное русло. По утрам мы с Прохором уходили на пляж, плавали и ныряли, загорали и дурачились на песке. Потом занимались бегом, подтягиванием на перекладине, отжиманиями и некоторыми видами борьбы. Три раза в неделю – среду, четверг и субботу, – я возил Прохора в танцшколу, а через два часа, забирал его и отвозил домой.

Ирму Андреевну я почти не видел. Рано утром она уезжала в сопровождении верного Арно в офис, а приезжала иногда за полночь.

Никас частенько бесцельно слонялся по дому, наблюдая из окон за нашими тренировками и потягивая через соломинку сок из высоких бокалов. Он больше не приставал ко мне с разговорами о ненормальности своего сына, но продолжал прерывать наши тренировки, увозя Прохора в дельфинарий.

Настю я видел после её возвращения из больницы всего два раза, – мельком, издалека. Оба раза она садилась за руль красного «Пежо» и куда-то уезжала. Если честно, я чувствовал себя перед ней виноватым. Может, от того, что в душе относился к девицам такого рода довольно пренебрежительно? А, может, от того, что по какой-то причине она чуть не утопилась из-за меня? В общем, единственный дискомфорт, который я испытывал в этом доме – было присутствие в нём вздорной, сумасбродной и немного загадочной Муму. В остальном мне стало казаться, что я хорошо работаю и приношу пользу. Я перестал заниматься самокопанием и ворошить прошлое, задавая глупые вопросы «зачем» и «почему». Я начал жить легко и просто, вспоминая Элку без горечи и сожалений. Я не стал любить её меньше. Я просто понял, что это нормально, когда люди меняются, и что не стоит делать из этого трагедии.

Это случилось в субботу.

Я заметил, что все беды липнут одна к другой, как алкоголики, ищущие с кем выпить. Несчастья сбиваются в стаи, как бездомные, злые собаки.

К трём часам дня я привёз Прохора в танцшколу, отвёл его в класс и вернулся в машину, собираясь убить время просмотром телепередач по маленькому автомобильному телевизору. Первый же канал, который я включил, огорошил меня словами ведущего:

– На двадцать пятом километре Окружного шоссе горит кафе «Аллигатор». На место происшествия прибыли пожарные расчёты. Пожару присвоена третья категория сложности. Причины возгорания пока не установлены, о жертвах ничего не известно. Подробности мы сообщим в следующих выпусках новостей.

Я схватил мобильник, но вдруг понял, что не знаю номера телефона Сомы. Сидеть и маяться в неизвестности я не мог, поэтому выключил ящик, завёл движок и рванул на двадцать пятый километр Окружного шоссе. В запасе у меня было почти полтора часа. Я должен успеть повидать Аркадия и вернуться за Прохором.

Когда я подъехал к кафе, пожар бушевал вовсю. Несмотря на усилия пожарных, огонь мощными, жадными языками лизал то, что осталось от одноэтажного здания. Клубы чёрного дыма застилали небо, придавая пейзажу жуткий, фантастический вид. Аркадий сидел на лавочке возле кустарника и курил. Руки у него тряслись, лицо казалось синюшно-бледным, несмотря на близость пожарища и безумно горячий воздух, от которого сразу начинали гореть щёки.

– Никто не погиб? – подбежал я к нему.

Сом отрицательно покачал головой. Его поварский колпак валялся на земле, а на всегда безупречно белом фартуке чернели разводы сажи.

– Все посетители и работники кухни успели выбежать, – хрипло сказал он. – Полыхнуло так, что мама не горюй... – Аркадий так глубоко затянулся, что на сигарете повис длинный столбик пепла.

– Думаешь, поджог? – Я присел рядом с ним.

– Думаю, да. Говорю же, полыхнуло одновременно со всех сторон. Клиенты потом сказали, что бензином сильно воняло... – Аркадия тяжело вздохнул. – Я в этот бизнес... всё, до последней копейки вложил. Чем кредиты теперь отдавать, понятия не имею.

Я схватил его за руку. В мозгу запульсировала одна мысль, от которой стало тошно и сильно заныло под ложечкой.

– Ты думаешь, это сделали отморозки, которых мы избили?

– Больше некому, – пожал Сом плечами и затушил сигарету об лавочку. – Их методы! Мерзкие, трусливые способы сводить счёты изподтишка...

– А конкуренты? – ухватился я за соломинку. – Может, это работа конкурентов?

– Да какие тут конкуренты, – вяло отмахнулся Сом. – Ближе чем через триста метров ни одного кафе нет, а если бы даже и были, на междугородной трассе клиентов на всех хватит. Туристы, дальнобойщики, рейсовые автобусы, и все жрать хотят. – Он закурил новую сигарету. – Ублюдки. Такого я даже от них не ожидал. Думал, приедут со стволами, рёбра переломают, посуду перебьют...

– Получается, во всём виноват я, – мрачно озвучил я мысль, не дававшую мне покоя. – Я неправильно припарковал машину, я ввязался в драку с бандитами и ввязал в неё тебя.

– Да брось ты, – снова отмахнулся Сом. – Никто ни в чём не виноват. Уроды, они и в Африке уроды! Уверяю тебя, я бы и без тебя нашёл, чем перед ними провиниться! Мясо бы не прожарил, салаты пересолил, в утку вместо яблок камней напихал. Ты ни в чём не виноват!

– Страховка у тебя есть? – чувствуя себя последней сволочью, спросил я.

– Мизер, – отмахнулся Аркадий. – Здание и оборудование, конечно, застрахованы, но я многое закупал на свои деньги. И потом... боюсь, мне теперь придётся доказывать страховщикам, что это не я сам совершил поджог, чтобы стясти с них деньги. Чёрт! – Он отбросил недокуренную сигарету и закурил новую.

Пламя, безжалостно пожиравшее дело жизни Аркадия Сомова, наконец, начало гаснуть, сходя на нет. Чёрные клубы дыма стали светлеть и рассеиваться. К нам подошёл пожарный с усталым лицом.

– Кому-то ты насолил, парень, – обратился он к Сому. – Явный поджог!

– Знаю, – кивнул Аркадий.

– Ну, а раз знаешь, следовательно сам всё объяснишь. – Пожарный ушёл, волоча ноги в огромных бахилах.

Воняло гарью и какой-то химией.

– Я с тобой, – обнял я за плечи Сому. – Что бы не случилось, знай – я с тобой! Во-первых, мне хорошо платят на работе, и все деньги я буду отдавать тебе. Мне просто не на что их тратить, я живу на всём готовом. Во-вторых, я найду этих уродов, и они заплатят тебе за всё.

– Ты мне ничего не должен, – твёрдо сказал Сом и шёпотом вдруг добавил: – И ты даже не представляешь, с кем мы связались!

– Это они не представляют, с кем связались, – усмехнулся я. – Они думают, я бедный учитель богатых детей?! – Я громко заржал, хлопнув себя по коленкам. Скорее всего, это было у меня нервное, но Сом тоже улыбнулся. – Поверь, у меня есть богатый опыт, как ставить таких уродов на место! – Я вскочил и обежал вокруг лавочки. Кулаки чесались, а бешенство разрывало меня изнутри.

– Я с тобой! – Сом встал и протянул мне огромную волосатую ручищу. – Найдём этих гадов и землю заставим жрать без соли! – Мы крепко пожали друг другу руки.

– Они тебе три кафе построят, – заверил я нового друга.

– Плевать на кафе, разгребусь как-нибудь. Главное, чтобы эта мразь не чувствовала себя хозяевами жизни.

– Организуем им светскую вечеринку! Ты знаешь, где их искать?
– Догадываюсь. Авторынок от этих козлов уже лет пять стонет.
– Что ж, завтра у меня выходной. Поедем вместе искать запчасти на твоего коня. Ты на чём едешь?

– На «копейке»! – захохотал Сом. – На старой, ржавой «копейке»! Её зовут «Лялька-разбойница».

– Вот на эту марку машины мы и поищем запчасти!

Мы снова пожали друг другу руки, и подошли к пожарищу. Огромные лужи воды чавкали под ногами, чёрный остов, оставшийся от кафе, трагически торчал недалеко от обочины. Но Сом уже справился со своим горем, он смотрел на мир и на то, во что превратился его процветающий бизнес, вполне иронически.

– Бедные Таня и Ваня, – вздохнул он, перекрестившись.

– Крокодилы погибли?! – догадался я.

– Сварились. Вода в бассейне, наверняка закипела. – Сом перекрестил то, что осталось от заведения. – Жалко тварей. Знатная уха из них получилась! Слушай, может, доедем до соседнего кафе, помянём крокодилов, а заодно отпразднуем день рождения нашей банды?!

Я посмотрел на часы.

– Не успею, – вздохнул я. – Нужно Прохора забирать.

Мы обменялись с Аркадием номерами телефонов.

– Тогда до завтра, – ударил меня по плечу Сом.

– До завтра! – крикнул я, заводя машину.

До конца занятий в танцшколе оставалось пятнадцать минут.

Я опоздал ровно на три минуты.

Вбежал в класс и сразу же налетел на Ирину Петровну.

– А Прошу уже забрали, – улыбнулась она.

– Кто?! – опешил я.

– Приятная молодая женщина.

– Прохора никто не мог забрать, кроме меня! – заорал я, чувствуя, как сердце заныло в недобром предчувствии. – Никто, слышите?! Я вас предупреждал!

– Но... – Побледнев, Ирина Петровна отступила от меня на шаг. – Но Проша так обрадовался, увидев эту женщину!

– Что он сказал ей?! Как называл?! Мама?! Настя?! – Я схватил Ирину Петровну за плечи и потряс как плодоносящую яблоню.

– Нет, нет... Он просто подбежал к ней, схватил за руку и они вместе ушли. Почему вы так волнуетесь? Разве мальчик мог уехать с незнакомым человеком?! – Ирина Петровна выкрутилась из моих рук и поправила причёску. Лицо у неё покраснело, губы оскорблённо задрожали.

– Как она выглядела?! – заорал я.

– Обыкновенно, – попятилась учительница танцев. – Беленькая такая, в джинсах...

– Беленькая! – передразнил я. – В каких к чёрту джинсах?!

– Но мальчик бросился к ней как старой знакомой! – со слезами в голосе выкрикнула Ирина Петровна. – Не могла же я спрашивать у неё фамилию!

Паника так сильно схватила меня за горло, что стало трудно дышать.

– Вы в первый раз видели эту женщину?

– В первый.

– На какой машине они уехали?

– Не знаю! Я не видела. А в чём, собственно, дело? В чём вы меня подозреваете?! У нас элитная школа! Хорошая репутация! Внизу сидит охранник, правда, сегодня суббота и у него выходной...

– Выходной?! – заорал я. – У ваших охранников выходной, а вы отдаёте ребёнка первому встречному?! Так вот, знайте, мальчишку похитили! Мальчишку похитили по вашей вине!!!

Она вздрогнула, побледнела, и, кажется, начала валиться в обморок, но я уже мчался по лестнице вниз, на бегу набирая по мобильному Ирму Андреевну.

Её телефон был отключён. Это означало, что у хозяйки или важное совещание, или она на объекте с какой-нибудь важной комиссией.

Впрочем, мне и так всё было понятно. Всё, всё, всё, до самых мелких деталей, до низкой, гадкой, омерзительной мотивации, до каждого самого мелкого действия и отвратительного поступка.

Прохора похитили из-за меня.

Я научил его не бояться незнакомых людей, я научил его доверять и доверяться. Я научил его!..

Ну конечно, всё проще простого: парни, которых мы с Сомом избили – бандиты. Сом предупреждал, что они похищают людей. Потерпев позорный проигрыш в драке, они затихли на некоторое время, готовясь к подлому удару в спину... Скорее всего, они следили за мной, прикидывая, как побольнее ударить. Сому отомстить было проще простого – обычный поджог, и он остаётся гол как сокол. А я... Я залётная птица, у меня ни друзей, ни родственников, ни своего бизнеса. Зато есть мальчишка на воспитании – маленький, добрый, оттаявший по моей же вине пацан, доверяющий всем и каждому! Эти гады подослали какую-то нимфу ангельской внешности, которая с елейной улыбочкой увела мальчишку из класса, посадив неизвестно в какую машину, и наверняка наврав ему, что я жду где-нибудь за углом.

Это я виноват во всём. От ярости и бессилия я задыхался. Я почти терял сознание от чувства вины.

Зачем я ввязался в ту драку?! Зачем полез на рожон?!

Что теперь делать?..

Я ввалился в машину, и, нажав на клаксон, понёсся по встречке на красный свет, игнорируя всё, что двигалось и летело мне в лоб.

Возле дома стояла машина Ирмы Андреевны. Значит, она успела вернуться домой после совещания и визитов на свои многочисленные объекты. Бросив «Вольво» возле ворот, я ворвался в дом и помчался по коридору, сшибая какие вазы, стулья и статуэтки.

– Где Ирма?! – заорал я, увидев Арно, курившего возле двери кабинета.

– Ирма Андреевна занята, – попытался он остановить меня.

Я оттолкнул его, он полетел в кадку с пальмой, и последнее, что я увидел перед тем, как заскочить в кабинет – его задранные вверх ноги и удивленно-жалобный взгляд.

Ирма Андреевна пилила ногти за письменным столом.

Рядом с ней разрывался от звонков телефон, но она не обращала на него никакого внимания.

– Вы как всегда срочно и без доклада, – бросив на меня быстрый взгляд, сказала хозяйка. – Что за спешка?! На вас лица нет. Настя опять тонет?! – Ирма отвела руку, полюбовалась ногтями и закинула ноги на стол.

Телефон продолжал надрываться.

– Я говорил вам, что вы должны уволить меня?! Говорил?! – заорал я.

– Опять – двадцать пять, – вздохнула хозяйка. – Заспиртую!

Не соображая, что делаю, я схватил её ноги, сбросил со стола и грохнул трубку об аппарат, чтобы телефон не надрывался звонками.

– Ого! – удивилась Ирма моей беспорядочной жестикуляции и наглым выходкам. – Да что случилось-то?! Прохор опять дрессировал крокодилов?!

Я замер, затих, перестал конвульсировать, и, наконец, до конца осознал то, что мне следовало произнести сейчас вслух.

– Прохора похитили, – еле выговорил я.

Ирма Андреевна посмотрела на меня ставшими прозрачными стальными глазами.

– Что? – отрешённо переспросила она. – Что... вы... сказали...

Я ударил кулаком в стену. Пальцы хрустнули, но боли я не почувствовал.

– Прохора похитили, и в этом виноват я! – прокричал я, продолжая молотить стену ударами. – Я! Я неправильно припарковал машину! Я ввязался в драку с ублюдками! И поэтому «Аллигатор» сгорел! И поэтому похитили Прохора!!!

Ирма Андреевна закатила глаза. Выронив пилку, она потеряла сознание.

– Я разнесу этот город, но верну вам сына живым! – запыхавшись, прошептал я, ощутив, наконец, боль в кулаках. – Я найду Прохора!

Опять зазвонил телефон.

Снова бросив на рычаг трубку, я выскочил в коридор.

– Позови врача, – приказал я Арно.

– Куда врача, какого врача, – не понял он, но я уже не слушал его, я набирал по мобильному Аркадия Сомова.

– Сом! – крикнул я, когда он ответил. – Они похитили моего Прохора!

– Понял, – коротко сказал Сом. – Встречаемся через двадцать минут возле кинотеатра «Парус». Только не наддай глупостей по дороге, Бизя!

– Хорошо, – пообещал я, хотя не очень хорошо понял, что он имеет в виду под «глупостями».

На всякий случай я поехал к месту встречи, соблюдая все правила и скоростной режим. Слишком большой подарок будет для «синей шеи», если я пострадаю в аварии и не смогу действовать.

БЕДА

Это так больно, так странно и так скучно – когда уходит любовь.

В конце концов, это же не насморк, которым переболел и выздоровел.

Бизя не смог пережить моего успеха. После «насморка» у него начался гайморит.

В особо тяжёлой форме.

С тех пор, как Бизон уволился из школы, он стал другим человеком. Мнительным. Раздражительным. Не знающим, куда себя деть...

Я предложила ему стать моим агентом – вести переговоры с издательством и киностудиями, организовывать встречи с читателями, контактировать с прессой. Бизя взялся за дело с энтузиазмом, но потом сник, скис, заскучал и заявил, что лучше он пойдёт двор мести – пользы от этого больше будет.

Не увлекла его и роль мужа известной писательницы. Бизону вдруг стало не хватать собственной значимости, и чувства наши от этого стали какими-то шаткими, зыбкими и ненастоящими.

Он вообразил, что я заигралась в звезду, в то время, как я пахала как лошадь.

Писать книгу в месяц, это вам не метлой мести... Глаза постоянно слезились и воспалялись от работы за компьютером, спина болела, пальцы ломило, а место, на котором сидят, превратилось в большую трудовую мозоль. Такой интенсивной работы не выдерживали даже компьютеры, они горели с периодичностью раз в три книги, и я меняла их как перчатки. Только Бизя никак не мог понять: я не играю в звезду, я просто работаю, и эта работа мне нравится. Его вечное недовольство стало смахивать на депрессию. Он заявил, что чувствует себя декоративной собачкой, которую таскает под мышкой богатая барышня.

Это я-то – барышня?!

С вечно красными от работы глазами, сведёнными судорогой пальцами, больной спиной и отсиженной в блин пятой точкой?!!

Ну, купила я себе пару тройку колечек с бриллиантами, так что же мне голой ходить?!! Впрочем, мне и носить-то эти бриллианты некуда, потому что работа писателя состоит в вечном сидении дома.

Зато как возмутился Бизя, когда я попросила его побриться и причесаться перед фотосессией в «Бэлль»! Как обиделся! Он пыхтел, гундел, ворчал как старая перечница, и, в конце концов, припёрся на съёмки в разных носках, в грязных ботинках, с порезом от опасной бритвы на щеке, с машинным маслом под ногтями и с чесночным запахом изо рта. Декоративная собачка...

Думаю, больше в «Бэлль» меня с мужем не пригласят.

А когда нас снимали в телепередаче «Домашний любимец», он заявил вдруг, что любит закусывать пиво сухим собачьим кормом со вкусом кролика. Ну, и каково мне там было в бриллиантах?!! Пришлось улыбаться и говорить, что муж у меня породы сенбернар, и что они очень дружат с моей кавказской овчаркой Рокки.

А его манера спрашивать у моих поклонников, не читали ли они «Идиота»?! Конечно, все начинали думать, что это мой новый роман, и я вынуждена была объяснять, что князь Мышкин не мой герой, не мой формат, одним словом, не мой идиот.

А его привычка страшно чесаться и чесать меня, когда я раздавала автографы?!! При этом он заботливо спрашивал, не забыла ли я принять лекарство от красно-бурой чесотки. Поклонники отпрыгивали от меня как от бродячей собаки и бежали на дезинфекцию. Каково мне было в платье за три тысячи долларов орать им вдогонку, что я здорова, что никакой красно-бурой чесотки в природе нет, и что мой муж юморист, клоун, шутник и вообще, неизвестный артист, которого никто не снимает.

В общем, наши отношения дали трещину.

Чтобы спасти их, я нарастила волосы, ногти, ресницы и чуть было не увеличила грудь, но хирург, к которому я обратилась, сказал, что он ни за что не рискнёт впихнуть имплант шестого размера в мой исходный нулевой номер.

Увидев меня «нарощенную», Бизя нахмурился и сказал, что Элки нет дома, а он из принципа никому не подаёт.

– Это же я! – заорала я.

– Ты?! – удивился он. – А я думал, бродяжка пришла милостыню просить.

Рыдая вечером в ванной, я отдирала ресницы, волосы и ногти. Хорошо, что грудь не пришлось отрывать.

Любовь проходила как насморк. Это было больно, странно и скучно. В очередном разговоре на кухне, мы решили, что «надо пожить отдельно». Формулировка означала, что старого не воротить, а нового мы ничего создать не смогли.

Наутро я нашла на столе записку «Уехал» и карту с двумя жирными точками, сделанными красным фломастером. Одна точка украшала африканскую столицу Найроби, а другая – южный городок у моря Солнечногорск.

Я порвала записку, а карту зачем-то повесила на стену. Представлять Бизю в Найроби было смешно, а в Солнечногорске – грустно. Каждый день я рассматривала эту чёртову карту в надежде, что жирные красные точки исчезнут, а Бизон... окажется на диване. И пусть у него будут руки в машинном масле, пусть он грозит мести дворы, пусть болтает с водителем мусорки о погоде, пусть фальшиво орёт в ванной песни «Битлов», пусть воняет чесноком, лишь бы эта карта не мозолила мне глаза.

Новая книга встала. С тех пор как Бизя уехал, я не написала ни строчки, ни дала ни одного интервью и стала чесаться на нервной почве, находя у себя все симптомы красной чесотки.

А вдруг ушлая негрityнка нарожает ему негрityт?! От этой мысли у меня начинался цистит, гастрит и шевеление камней в желчном пузыре, которых никогда не было.

В конце концов, я позвонила в издательство, и, предупредив, что задержу книгу на месяц, собрала чемодан, бросив туда только старые джинсы, пару маек и путеводитель по Найроби.

Куда я ехала и зачем?! «Проветрится» – определила я для себя цель своего вояжа. В Найроби билетов не было, да и прямой самолёт туда не летал, поэтому я купила купе до Солнечногорска.

Оставив собаку на передержку соседке, я отправилась в самое бессмысленное и глупое путешествие в своей жизни.

Чего я хотела добиться? Ещё одного насморка? Я старалась об этом не думать.

Не думать и не чесаться.

Курортный город встретил меня жарой, толпами ошалелых туристов и дикими ценами в гостиницах. Как человек, зарабатывающий нелёгким трудом, я решила поискать вариант жилья подешевле и... Нашла миленький домик недалеко от моря за вполне сносные деньги. Хозяйке нужно было уехать куда-то на месяц, и она пустила меня в своё уютное зелёное гнёздышко всего за сто долларов, а также клятвенно данное обещание вытирать с мебели пыль, кормить канареек в клетках и поливать петунии на клумбах.

Петунии её особенно волновали.

– Вон той, голубенькой, нужно говорить по утрам «Здравствуй, милая девочка!», а розовой спеть песенку «Зайка моя». Вы умеете петь?

– Что вы, я же певица! – заверила я тётку, понимая, что такого уютного домика за такие смешные деньги мне не найти.

– Да, да, да, – прищурившись, она посмотрела на меня из-под широких полей соломенной шляпы. – А я-то думаю, отчего мне ваше лицо знакомо?! Тогда, может, и беленькой споёте?

– Спою, – закивала я. – Чего ж не спеть-то?!

Хозяйка перекрестила свои петунии, помахала мне ручкой и вдруг запоздало представилась:

– Меня зовут Геля Абрамовна.

– А меня Элла.

– Только не забывайте вовремя поливать петунии! – Она ушла, волоча за собой чемодан на колёсах.

Интересно, куда можно уезжать из такого райского места на целый месяц?!

О том, что Бизия не в Найроби, я узнала из местных новостей.

Чёртовы канарейки разбудили меня в шесть утра. Уж не знаю, какие колена они там выдавали, но их хотелось перестрелять, а не накормить. Я попыталась накрыть все десять клеток скатертями и простынями, которые нашла в доме, но это не помогло. Птиц такое затемнение только раззадорило.

Со сном было покончено.

Сварив на уютной маленькой кухне крепкий кофе, я вышла с чашкой во двор. Петунии выглядели прекрасно, и, на мой взгляд, не требовали полива. Спеть для них меня могла заставить только выпитая бутылка виски, поэтому ни голубым, ни белым цветам ничего не светило.

Я выпила кофе, как смогла, полюбовалась на восход, вернулась в дом и включила старенький телевизор. Смотреть в это время суток было решительно нечего, кроме новостей, поэтому я отыскивала местный канал и... сразу же, во весь экран увидела разгорячённое лицо Бизона. Это была съёмка с мобильного телефона какой-то драки возле кафе, и комментатор что-то оживлённо болтал о разборках бандитских группировок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.